

МИСС РОБИН ГУД

МАРИНА
СЕРОВА

Все против
короля

Мисс Робин Гуд

Марина Серова
Все против короля

«Научная книга»

2008

Серова М. С.

Все против короля / М. С. Серова — «Научная книга»,
2008 — (Мисс Робин Гуд)

Виртуозно отомстив своему заклятому врагу – прокурору города Синдякову, Полина Казакова стала известна как Мисс Робин Гуд, защитница тех, кто не в силах бороться за себя сам. К Полине обратилась ее знакомая Светлана Борщинская и попросила помочь своем отцу. Пожилого человека сделал козлом отпущения генеральный директор предприятия, на котором много лет трудился Борщинский.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	13
Глава 3	22
Глава 4	30
Глава 5	36
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Марина Серова

Все против короля

Глава 1

Я сидела в небольшом и не очень-то уютном, несмотря на все мои старания, служебном кабинете. На подоконнике было полно цветов, но окно выходило на глухую кирпичную стену, и солнце никогда в него не заглядывало. Но это еще полбеды. Внизу, на первом этаже, постоянно громыхал пресс. От этого шумового сопровождения уже к обеду можно было сойти с ума. Хотелось все бросить и бежать в отдел кадров увольняться. Но у меня, как у юриста, иногда появлялась законная возможность покинуть территорию завода, чтобы представлять наши интересы в Арбитражном суде или встретиться с проблемными контрагентами.

Такие некомфортные условия труда, конечно, были временными трудностями, причем не только моими. Многие сотрудники терпели лишения и неудобства в связи с реконструкцией завода. На время ремонта отделы разбросали по различным корпусам. Меня вот пристроили в эту каморку, в которой раньше размещался склад спецодежды.

Итак, я сидела в своем временном служебном кабинете и изучала проект договора о поставке красного кирпича новому потребителю. Неожиданно в кабинет ввалилась наша касирша Лера Гулькина, которая упорно набивалась мне в подружки. Но я всегда старалась держаться от нее на расстоянии. Она болтала без умолку, но еще ни разу не изрекла ничего достойного внимания. К тому же у нее было просто маниакальное стремление завязать с кем-нибудь роман с самыми серьезными намерениями, а в связи с этим она постоянно приглашала меня на какие-нибудь тусовки.

– Полина, ты еще здесь? А я думала, что только я одна задержалась в кассе, потому что деньги на представительские расходы выдавала.

– Какие расходы? – автоматически переспросила я, продолжая смотреть в договор.

– Представительские. После открытия цеха банкет будет, – шепотом сообщила мне Валерия, – ну не для всех, конечно, а для избранных...

– Ну еще бы! После последнего корпоратива некоторым до сих пор икается. Пятерых уволили, четвертых понизили в должности. Остальные отделались легким испугом – лишением премии. Не стоило им забывать, что даже за столом надо вести себя комильфо, – проговорила я.

– Ты хочешь сказать, они ели без ножа? – брякнула Лерка, не подумав. Это было на нее очень похоже.

– Не в том дело. Они говорили за столом то, что не сказали бы в рабочее время. А болтун – находка для нашей Аронкиной, – я упомянула про начальницу отдела кадров, которая даже на вечеринках была настороже.

– Ну неужели и на празднике нельзя расслабиться? – фыркнула Гулькина.

– Нельзя. Даже в пылу праздничной раскованности не стоит забывать о служебной субординации, – говорила я самым скучным тоном, надеясь, что Валерия оставит меня в покое. Но она не собиралась этого делать и вертелась перед зеркалом. – Да и в одежде тоже надо быть скромнее. Некоторые забывают, что неэтично быть одетым лучше и дороже своего начальника.

– Помню, помню, Иванова обвесилась бриллиантами, а ее начальница даже искусственных камешков не может себе позволить. Оно и понятно, ее муж ведь уже год к постели прикован... Слушай, так поэтому Иванову уволили? – Лера просто остолбенела. Переважив информацию, она сказала: – Да, последний корпоратив кое-кому вышел боком. Хотя одного все-таки повысили!

– Тугулева, этого подхалима? Его бы так и так повысили.

– Допустим, но Танька свою личную жизнь устроила, – Гулькина швырнула в меня очередной аргумент.

– Какая Танька?

– Так ты ничего не знаешь? Ну конечно, ты теперь сидишь в этом кабинете, на самом отшибе, поэтому до тебя слухи еще не дошли. Так вот, Танька Левзина, контролерша ОТК, сумела завязать на вечеринке роман с системным администратором. Говорят, дело идет к свадьбе, – Лерка мечтательно вздохнула. – Я бы тоже могла Авдошина охмурить, но он не в моем вкусе, низкий слишком, а я девушка высокая... Так что, Полина, ты не права! От корпоративных праздников есть практическая польза.

– Не уверена. Один положительный результат против девяти отрицательных. Счет говорит сам за себя.

– Поля, ну какая ты скучная! Впрочем, кое в чем ты права. Пить у нас не все умеют, и руководство на этот счет сделало определенные выводы. Кудринцев не хочет ударить в грязь лицом при мэре, поэтому в этот раз все будет по-другому. От полного корпоратива отказались. В отремонтированном зале заседаний накроют фуршетный стол для городского главы и нашей верхушки.

– Правда? Мудрое решение.

– Поля, честно говоря, я думала, тебя туда пригласили... Все-таки ты – единственный на заводе юрист.

– Нет, к счастью, на это мероприятие меня не позвали.

– Почему к счастью? – обалдела Лерка. – Я бы с удовольствием посидела с мэром за одним столом. Он такой душка!

– Но он женат, – заметила я.

– Подумаешь, проблема! Жена – не стенка, можно и подвинуть! – размечталась Гулькина, но, наткнувшись на мой скептический взгляд, спустилась с облаков на землю. – Ладно, все, молчу. Пусть фуршет пройдет без нас, не очень-то и надо.

– Наконец ты это поняла.

– Поля, а что это ты тут вся в делах? Что у тебя там? – Лера засунула свой длинный нос в мои бумаги.

– Ничего особенного, но до отпуска с этим нужно непременно разобраться, – сказала я и закрыла папку, все равно состояние делового равновесия было безвозвратно нарушено.

– Ах да, я совсем забыла, что ты собралась в отпуск! Везучая, а я его уже отгуляла. Ладно, нам пора идти, а то без нас начнут. Все, ну кроме тех, кто занят на непрерывном цикле, уже давно в новом цеху. Телевидение тоже там. Поля, нам надо пролезть в первый ряд, чтобы обязательно по «ящику» показали. Я даже по этому поводу вот это платье купила. – Гулькина встала со стула и кокетливо повернулась, демонстрируя мне обнову. Как ни странно, но платье мне понравилось. Оно было с глубоким, но не чрезмерным вырезом, модными рукавами-фонариками, завышенной талией, посаженной на корсет, и струящейся юбкой до колен. Существовало только одно «но» – цвет ядовитой фуксии, который делал Лерку жутко вульгарной особой. – Ну как?

– Впечатляет, – призналась я и спросила: – Лера, неужели ты так сильно хочешь, чтобы тебя показали по телевизору?

– А разве ты не хочешь? – удивилась кассирша. – Полина, ну пойдем уже! Мэр с минуты на минуту подъедет, и церемония открытия начнется. Если мы встанем рядом с директором, а лучше рядом с мэром, который будет разрезать красную ленточку, то обязательно попадем в кадр. Такой шанс раз в жизни выдается!

– Лера, ты, конечно, иди, не буду тебя задерживать. Может, действительно повезет, и ты войдешь в кадр. А у меня тут еще работа есть. Как освобожусь, подойду.

– Поля, ну какие дела? Что за приступ трудоголизма в пустом офисе! Даже пресс этажом ниже не работает. Сегодня же праздник! – Гулькина сделала акцент на последнем слове. – Новое производство открываем! А наш завод – градообразующий, все вокруг него вертится! Вот скажи, когда в Горовске еще событие такого масштаба предвидится?

– Думаю, что не скоро, – согласилась я.

– Вот и пойдем, а то самое интересное пропустим!

– Ладно, пошли почтим своим присутствием начало новой вехи в истории нашего города, – сказала я, встала из-за стола и пошла к двери.

– Подожди! – крикнула Лера во весь голос, и я даже вздрогнула от неожиданности.

– Что еще?

– Неужели ты даже губы не красишь? Что-то они у тебя смазанные. Кофейком, наверное, баловалась?

– Да, пила недавно кофе, – призналась я и посмотрела на свое отражение в зеркале. Оно мне понравилось даже с ненакрашенными губами. – Ладно, Лера, все нормально, пойдем!

– Нет, так дело не пойдет! Говорю же, там телевидение! Надо выглядеть на все сто!

– Ну хорошо, сейчас накрашу губы, если ты на этом настаиваешь. – Я вернулась к столу, вынула из сумки помаду и снова подошла к зеркалу.

Пускаться в дальнейшие пререкания с Гулькиной мне совсем не хотелось. Она бы все равно не поняла, почему я не чувствую праздника и почему не стремлюсь попасть в «кадр».

– Ну вот, совсем другое дело! – Лера потянула меня за руку, и мы длинными коридорами пошли в новый цех. По дороге она трещала без умолку о том, что сегодня великий день.

Кассирша была права – вся заводская жизнь сконцентрировалась именно в новом цеху. Оживление там было немыслимое. На лицах заводчан была такая радостная просветленность, что я сразу почувствовала себя лишней. А Лерка тащила меня вперед, туда, где телевизионщики брали интервью. Популярная горовская телеведущая Нонна Меличковская задала вопрос начальнику цеха, а в ответ послышался целый хор голосов, унять который было невозможно. Все чувствовали себя причастными к предстоящему событию, абсолютно все. Но громче остальных кричала уборщица Катерина Ивановна, кстати, что-то насчет праздника. Потом прошел шепоток, что приехал мэр, а с ним еще несколько городских чиновников. Для их прохода к красной ленточке, за которой стояли новые автоматы, быстренько организовали коридор. Гулькина умудрилась пристроиться сразу за руководством, чтобы удачно позиционировать себя перед телекамерами. На ее счастье, никакой охраны у высокопоставленных гостей не было. Мэр Бурляев в отличие от предшественника любил подчеркнуть свою демократичность.

Я намеренно отстала от Валерии и даже попятилась назад, чтобы попасть через запасной выход на свежий воздух. Но пути к отходу были перекрыты плотным кольцом заводчан. Зажатая в толпе, я была вынуждена слушать длинные речи, предваряющие торжественный акт разрезания алой ленточки.

Первым ударился в ностальгические воспоминания Кудринцев, наш генеральный директор:

– Я пришел на этот завод еще совсем зеленым мальчишкой. Помню, как сейчас, тот первый брус, такой гладкий, с влажными боками, который медленно вытягивался из стального «мундштука» и тут же попадал под ритмичные удары проволочного ножа. Сейчас, по прошествии стольких лет, могу вам признаться, что я тогда испугался – смогу ли этим процессом управлять, сдую ли?

– Еще как смог! – крикнул из толпы какой-то подхалим.

– Да, действительно смог, – подтвердил Владимир Дмитриевич. – А проработав месяц-другой, я даже стал получать удовольствие, глядя на то, как автомат четко режет глиняные бруски на ровные красные кирпичики... Тот автомат больше тридцати лет держит установлен-

ный ритм, без устали пружинит вверх-вниз, снова вверх-вниз... Нет, он до сих пор не устал и не выдохся. Но что такое сегодня пятьдесят тысяч кирпичей в смену? Это – мелочи! Пришли новые, прогрессивные технологии... Дорогие мои заводчане, нам с вами посчастливилось стать свидетелями того, как появится на свет первая легкая, но прочная и теплая стеновая сэндвич-панель...

Народ позади меня неожиданно рассосался, и я вышла из цеха на свежий воздух, в небольшой дворик между двумя Г-образными заводскими корпусами. Там не было ни души, только стенд с фотографиями передовиков производства. Вот к нему-то я и подошла, от нечего делать. Честно говоря, мне было не по себе оттого, что я одна не ощущаю на душе праздника, не жажду попасть в «кадр» и не мечтаю стать свидетельницей того, как из базальтового сырья спрессуется первая стеновая плита. Но что поделаешь, мне не присуще лицемерие, а потому я не могу восхищаться процессом, в котором нет никакой красоты и романтики. Но неужели все остальные заводчане лицемерны, или они в отличие от меня способны разглядеть в грубом производственном процессе творчество созидания?

Впрочем, церемония открытия нового цеха постепенно стала наскучивать отдельным рабочим и служащим. Кто-то вышел из цеха покурить, а кто-то просто поболтать. Я как-то сразу оказалась в центре внимания рабочих – ветеранов производства, тех самых, чьи фотографии висели на Доске почета.

– Полина Андреевна, вот скажите нам, пожалуйста, почему людей с улицы набрали в новый цех? Неужели никто из моих ребят с корейским оборудованием бы не справился? – вопрошал седоволосый мастер цеха со смешной фамилией Копчик.

– Ну это вопрос не совсем по адресу, я ведь кадрами не заведую, – заметила я. – Вам надо было заблаговременно обратиться в службу персонала и дать рекомендации своим подопечным.

– Да обращался я, вот насчет него хлопотал, – Копчик показал на высокого молодого человека, стоящего рядом с ним. – Но все без толку, никто к моему мнению не прислушался.

– Похоже, я всю жизнь на глиномешалке работать буду, – сумрачно заметил тот. – Между прочим, я техникум с красным дипломом окончил, и мне даже обещали, что переведут в новый цех. Но дальше слов дело не пошло, туда почему-то новичков с улицы набрали. Где справедливость?

– А я тоже не хочу вкалывать до пенсии у сушильной печи, – пожаловался мужчина лет сорока с хвостиком. – Здоровье уже не то. Полина Андреевна, вы ведь юристконсульт, так?

– Именно так, – подтвердила я.

– Так вот скажите, разве наши права не нарушены? Я раньше всех написал заявление с просьбой о том, чтобы меня перевели из жаркого цеха на «сэндвичи». А Колька Почивилин даже не думал об этом, так ему в отделе кадров сами предложили туда перейти. Там ведь и зарплата выше, и условия труда щадящие! А чем он лучше меня? Он ведь на заводе без году неделя, и ему так подфартило!

– Да, Полина Андреевна, почему такое неуважение к проверенным рабочим? – не унимался Копчик. – Разве они не заслужили лучших условий труда?

Я не знала, что ответить на эти вопросы. Не была к ним готова. Но, выслушав жалобы рабочих, поняла, что не я одна не чувствую сегодня праздника. Кое для кого открытие нового цеха – это личная драма. Оказывается, отдельно взятые рабочие возлагали большие надежды на новое производство, но зря. Их просто-напросто кинули. Если бы они пришли ко мне раньше, хотя бы неделю назад, я бы попыталась что-то для них сделать. А теперь их справедливые претензии, заставшие меня врасплох, вряд ли можно было удовлетворить.

В дверях запасного выхода показалась Аронкина, начальница отдела кадров. Она внимательным взором обвела всех тех, кто игнорирует праздничную церемонию, и быстрым шагом, не соответствующим ее тучной фигуре, направилась к Доске почета.

– Хорошо, я обязательно разберусь, почему ваши заявления с просьбой о переводе в новый цех не были рассмотрены положительно. А сейчас давайте вернемся туда и посмотрим, что там все-таки происходит, – сказала я и пошла к цеху, чтобы лишить Надежду Степановну удовольствия высказать нам свои претензии.

Едва я сделала несколько шагов, как прогремел взрыв. От неожиданности я застыла как вкопанная, соображая, что случилось. Во всяком случае, на праздничный салют это не было похоже. Через несколько секунд во дворик стали выбегать люди с искаженными от страха лицами. Началась натуральная паника.

– Что случилось? Что там произошло? – спрашивала я, но на меня никто не обращал внимания. Люди метались по заводскому дворику. Мой мозг был слишком ошарашен, чтобы дать собственную оценку происходящему.

– Похоже, там что-то взорвалось, – высказался Копчик.

– Наверное, диверсия, – не без злорадства предположил молодой человек, которого не перевели на новое место работы.

Двор постепенно заполнялся заводчанами. У некоторых лица были в копоти, а кое у кого даже в кровавых подтеках. Резкая смена впечатлений сильно повлияла на общее настроение. Народ был так напуган произошедшим, что никто толком не мог ответить на наши вопросы. Только шустрая уборщица Катерина Ивановна не потеряла присутствия духа, вышла в центр и стала излагать свою версию:

– Бомба взорвалась. Теракт, наверное. Думаю, покушались на мэра. Вот сволочи! Такой праздник испортили! Вы бы видели, что там творится! Полцеа в клочья разнесло! А кто убирать потом все эти осколки будет? Неужели я? Ну уж нет!

– Да не трюнди, Ивановна! – осадил ее электрик. – Скажешь тоже – полцеа! Ну выбило взрывной волной одно стекло, так от этого никто вроде не пострадал. Хорошо, что оно на ту сторону выходит, а там – пустырь. И никакая это не бомба, а новый автомат взорвался, едва его запустили. Похоже, смонтировали его неправильно. Элементарное нарушение техники безопасности. Кто-то за это поплатится...

– А люди? Кто-нибудь серьезно пострадал? – спросила я.

– Мэр живой, это точно! – крикнул кто-то из толпы.

– Парнишка новенький пострадал, тот, что автомат запускал. Его к стене откинуло, и на него осколки стекла упали. А что потом было, я не видел, – сказал начальник транспортного цеха, – я сразу стал в службу спасения звонить.

После этого заводчан прорвало. Осознав, что их жизни уже вне опасности, очевидцы стали наперебой рассказывать о том, что произошло в цеху, но их мнения сильно разнились друг с другом. Одни утверждали, что жертв много, даже директор обгорел. А другие говорили, что Кудринцев с мэром находились дальше всех от эпицентра взрыва. Я не знала, кому верить и насколько серьезны последствия случившегося. Ясно было одно – вместо запланированного праздника произошло чрезвычайное происшествие, от которого заводчане еще долго не отойдут.

Прорваться внутрь здания и посмотреть своими глазами на то, что там происходит теперь, было невозможно. Ласточкин, инженер по технике безопасности, выставил у входа пост, поэтому в цех меня, да и остальных желающих поглазеть на «поле боя», не пустили. Тогда кто-то залез по трубе на карниз и стал наблюдать за происходящим в цеху через окно и рассказывать нам.

Так мы узнали, что первыми к основным воротам подъехали пожарные машины, хотя огонь оперативно потушили собственными силами. Затем подоспели две кареты «Скорой помощи» и милиция. Позже выяснилось, что серьезно пострадал только один человек. Тот самый молодой рабочий, которому позавидовали ветераны, потому что именно ему было предоставлено почетное право запустить новую линию. Его на носилках отнесли в машину

«Скорой помощи». Осколки заделали еще нескольких человек, в том числе телеоператора, но им всем оказали медицинскую помощь на месте.

Версия о том, что это было покушение на мэра Бурляева, ходила из уст в уста. Он сам и его свита как-то быстро и очень тихо уехали. Телевизионщиков попросили немедленно покинуть территорию завода. Новый цех оцепили сотрудники милиции, внутри стали работать эксперты. Руководство завода вместе с подполковником из городского управления внутренних дел и еще каким-то высоким представительным мужчиной лет сорока пяти, одетым в строгий черный костюм, наверное, фээсбэшником, закрылось в кабинете директора. Все остальные сотрудники завода тоже разбрелись по своим местам. Праздника не состоялось, но и рабочий день тоже не отменили, что мне было на руку. Я должна была до отпуска закрыть все нерешенные юридические вопросы. Правда, после взрыва настроение было далеко не рабочим.

* * *

Дед постоял около открытой двери в мою комнату, послушал игру, качая головой, и сказал:

– Я, конечно, понимаю, что саксофон не создан для суперлегких пассажей, но к чему такая тягучая безнадежность, смешанная с крикливостью? Полетт, что-то случилось?

Я положила саксофон на диван и спросила:

– А разве ты не знаешь, что случилось? Удивительно, что до тебя слухи еще не докатились.

– Ты это о чем? – Дед настороженно вошел в мою комнату. – Полетт, у тебя такое выражение лица, будто настал конец света. Слышишь, не томи старика! Говори живо, что произошло?

– Я думала, что о взрыве на нашем заводе уже весь город галдит и ты в курсе.

– Да я сегодня никуда из дома не выходил, спал весь день, – сказал дед и зевнул.

– Снова всю ночь в казино пропадал, – упрекнула я его. – В твоём возрасте такой режим противопоказан.

– Ничего, я привык к ночной жизни, а в «Крестовом короле» сегодня ночью прелюбопытнейшая игра была. Я не мог ее пропустить. Но речь не об этом. Ты про какой-то взрыв сказала? Что взорвали? Неужели в Горовске террористы объявились?

– Сегодня у нас на заводе взорвался новый автомат, один человек серьезно пострадал. Не думаю, что это теракт, хотя все может быть...

– Вот дела, – дед уселся в кресло, впечатленный моей новостью. – Но у вас же там сегодня торжество нешуточное намечалось...

– Намечалось, а в итоге вышло все по-другому, – я рассказала деду подробности чрезвычайного происшествия.

– Да, непонятная история, – мой прародитель задумался. – Нет, не похоже, чтобы это было покушение на Бурляева, он вроде бы всех в городе устраивает... Во всяком случае, я не знаю такой силы, которая хотела бы его устранить. Может, вашему Кудринцеву кто-то хотел подянку устроить? Полетт, ты сама-то что об этом думаешь?

– Если честно, то я до сих пор в шоке. При самом неблагоприятном раскладе я могла бы и калекой стать. Лерка Гулькина, наша кассирша, все лезла и лезла вперед, чтобы в телекамеру попасть, и меня за собой тащила. Только я отстала, а ей осколки лицо посекли.

– Ой-ой-ой, какая неприятность, – дед покачал головой. – Жалко девушку. Это такая высокая и кудрявенькая, да?

– Она самая. Дедуля, да ты за Гулькину особо не переживай! Я несколько преувеличила степень ее травмированности. На самом деле Лера не слишком серьезно пострадала. Так, две мелкие царапины. До свадьбы, как говорится, заживет, но все равно неприятно. Я как чувство-

вала, что-то будет, поэтому вышла из цеха, но потом хотела вернуться. Еще несколько секунд и...

– Знаешь, береженого бог бережет, – перебил меня дед. – Хорошо то, что хорошо кончается. Ты физически не пострадала, и слава богу. А вот взвинчивать себя не надо. Успокойся!

– Уже успокоилась. Вот поговорила с тобой и успокоилась.

– Вот и хорошо. А то я просыпаюсь и слышу какие-то зауспокойные звуки. Никогда еще ты с таким надрывом не играла. Полетт, ну-ка посмотри на меня! Ты ведь не чувствуешь своей вины? Другие, мол, пострадали, а меня там не было... Ни о чем таком не думаешь, нет? – Дед Ариша лукаво прищурился.

– Нет, конечно, никакой вины я не ощущаю. Знаешь, дедуля, меня вдруг посетило другое чувство. Мне кажется, что я чего-то не понимаю.

– Ну-ка объясни, что именно ты не понимаешь? – Дед проявил живой интерес к моей озабоченности.

– У меня такое ощущение, что мимо меня прошло нечто важное. Я имею в виду идею о закладке нового производства. Честно говоря, я не знаю, с чего вдруг Кудринцев решил закупить корейские автоматы. Понимаешь, выпуск сэндвич-панелей не имеет ничего общего с технологией производства красного кирпича. С таким же успехом такой цех можно было и на хлебокомбинате открыть или на птицефабрике. Были бы свободные площади!

– Полетт, эти «сэндвичи» не едят, из них дома строят! Лично я не вижу ничего предосудительного в том, что на «Красном Октябре», кроме кирпича, другие стройматериалы стали бы выпускать. Не морочь свою красивую голову чужими заботами!

– Дед, я чувствую, здесь что-то не так. Старых работников в новый цех не допустили, набрали юнцов с улицы, будто что-то скрыть хотели...

Дед скептически поджал губы. Ему не нравилось, что я хочу докопаться до истины. Впрочем, я пока еще не знала, хочу ли этого, или завтра взрыв нового автомата будет мне уже неинтересен. Я молчала, а дедуля спросил:

– Ты, кажется, сказала, что телевидение у вас на заводе было? На пленку все записывали, значит?

– Да, записывали.

– Тогда давай посмотрим, что в местных новостях покажут, – дед взглянул на часы. – Вот, они как раз через пять минут начнутся.

Я включила телевизор, села рядом с прародителем и положила голову на его плечо. Он меня обнял. Так мы просидели полчаса в ожидании сенсационной информации. Как ни странно, о чрезвычайном происшествии на заводе «Красный Октябрь» не было сказано ни слова.

– Странные дела, – сказал дед, отключив пультом звук, – событие ведь из ряда вон выходящее – мэр приехал на праздник, а попал на похороны.

– Дед, не каркай, тот парень не умер!

– Да я не про отдельно взятого рабочего говорю, а про завод в целом. Если про то, что там сегодня произошло, в эфире ни слова не было сказано, это действительно наталкивает на серьезные размышления. Ладно бы, простые горовские обыватели не ждали никаких репортажей с «Красного Октября», а то ведь ждали, еще как ждали! А тут – молчок. Но слухи по Горовску все равно поползут... Болтливость – это один из самых тяжких грехов, причем подавляющее большинство людей потонуло в этом грехе с головой. Завтра же все население нашего городка будет знать о взрыве такие подробности, которых на самом деле не было. Репортаж с места происшествия мог бы пресечь все досужие вымыслы, сгладить углы, но его не было. Странно, очень странно... Полетт, знаешь, что я по этому поводу думаю?

– Что?

– Там, – дед Ариша поднял указательный палец кверху, – сейчас решают, в каком ракурсе представить ЧП. Вот как решат, в таком контексте и доведут до нас последние новости. Но это будет лишь завтра. Ладно, Полетт, не будем себе ломать голову, пусть это за нас делают другие. Им за это деньги платят. Сыграй-ка мне лучше на саксе что-нибудь жизнеутверждающее!

Я посмотрела на деда и поняла, что с возрастом к нему пришло удивительное спокойствие, даже хуже – успокоенность. Мир будет вокруг рушиться, но если его и меня лично это не касается, то он на это никак не отреагирует. Нет, заставлять его до глубокой старости быть Дон Кихотом я, конечно, не собиралась, но вот играть веселый мотивчик тоже не хотелось.

– А может, лучше спустимся вниз и поужинаем? – предложила я. – Что-то у меня аппетит разыгрался.

– Тоже неплохая идея, – согласился Ариша и поднялся с кресла. – Тем более я голоден как волк. У меня сейчас будет три в одном: завтрак, обед, ужин.

– Дедуля, такое чревоугодие вредно для здоровья. Обойдемся одним, но плотным ужином.

* * *

На следующий день, в утренних новостях, также не было никаких сообщений о чрезвычайном происшествии на «Красном Октябре». Ариша отнесся к этому с известной долей юмора, он сказал:

– Полетт, это нормально. О нашем светлом будущем всю пекутся политики, о светлом прошлом – историки, а о светлом настоящем – журналисты. Зачем начинать новый рабочий день с трагических событий?

– Возможно, ты прав, – согласилась я.

Мой дед частенько и во многом оказывался прав. Оно и понятно, ведь жизненного опыта у него было предостаточно. А жизнь его была очень непростой. Кто Ариша по профессии? Тс-с, секрет... Впрочем, сейчас он уже не делает из этого особую тайну, как во времена своей бурной молодости. Нет, мой дедуля не разведчик и не тайный агент службы безопасности. Он карточный игрок. Это и его профессия, и стиль жизни, ведь по своей натуре мой дед необычайный интриган и почти народный артист.

Что касается его личной жизни, то Аристарх Владиленович прожил в браке всего несколько лет, потом его супруга умерла от онкологического заболевания. Теща обвинила моего деда в том, что именно он своим разгульным образом жизни довел жену до болезни, забрала у него сына и воспитывала Андрюшу сама практически до его совершеннолетия. Аристарх Владиленович сблизился со своим сыном, моим отцом, только после того, как теща перешла в мир иной. Но так уж распорядилась судьба, что ему снова пришлось пережить боль утраты.

Когда мне было четырнадцать лет, мои родители погибли в автомобильной катастрофе по вине пьяного водителя. Тот отделался лишь несколькими ссадинами, а до суда дело не дошло. Случилось это потому, что в машине ехал прокурор нашего города. Используя свое высокое служебное положение, Синдяков просто-напросто замял то дело.

Ариша взял все заботы обо мне на себя. Благодаря его стараниям я ни в чем не знала нужды. Мне посчастливилось учиться в элитной школе с углубленным изучением иностранных языков. Затем я поступила в только что открытый в нашем городе вуз, на самый престижный факультет. Дед очень гордился тем, что смог дать мне хорошее образование.

Конечно, вокруг Аристарха Владиленовича постоянно крутились разные женщины, но все их посягательства на его свободу он обрубал сразу же на корню. Дед не раз повторял мне, что он стал убежденным холостяком...

Глава 2

Первые дни отпуска я занималась исключительно домашними делами. Взрыв на заводе как-то быстро отошел на задний план. Я о нем практически уже не вспоминала. Наверное, это было результатом информационной блокады. Средства массовой информации по-прежнему молчали о ЧП на «Красном Октябре», а с заводчанами я не общалась. Удивительно, но даже Лерка Гулькина мне не звонила. Через несколько дней я уже стала подумывать о том, чтобы съездить на недельку на юг, но тут мне позвонила начальница отдела кадров и в категоричной форме потребовала прийти на работу.

– Но у меня уже путевка на руках, – соврала я.

– Ничего с тобой не случится, если выйдешь на денек на завод, – заявила Аронкина. – Обстоятельства настойчиво требуют твоего присутствия. Или мне тебя приказом отзывать? Будешь догуливать отпуск зимой!

– Хорошо, я выйду завтра на работу, – согласилась я, выбрав из двух зол меньшее.

«Красный Октябрь» работал в своем привычном ритме. Только в новом цеху так и не было запущено оборудование. Работы, которая настойчиво требовала моего присутствия на заводе, я не нашла. Мне даже показалось, что Аронкина отозвала меня из отпуска по вредности своего характера. Около десяти утра дверь моего кабинета неожиданно отворилась и перед моим взором предстала, заслоня собой весь дверной проем, начальница отдела кадров.

– Полина Андреевна, вы, конечно, сейчас в отпуске, но тем не менее вас тоже это касается, – начала она без всякого приветствия и даже строгойше пригрозила мне пальцем.

Удивившись, я спросила:

– Надежда Степановна, что именно меня касается?

– Не умничай, Казакова! Собрала во время церемонии открытия вокруг себя толпу и устроила юридическую консультацию. Ой, доиграешься, Полина! – Кадровичка не только перешла на «ты», но и назидательно покачала головой.

– Полина Андреевна, – поправила я ее с чувством собственного достоинства.

– Значит, так, – Аронкина уперла руки в бока и уставилась на меня тяжелым испытующим взглядом. Она думала, что этот взгляд парализует мой острый язык. Как же она не отгадала! Мне было не страшно, а смешно, потому что я представила ее в нелепой клоунской одежде с красным поролоновым шариком на носу и кудрявыми рыжими волосами. – Ты чего лыбишься? Я как-то смешно выгляжу, да?

Я пожала плечами и напонила:

– Надежда Степановна, вы хотели мне что-то сказать, даже из отпуска вызвали ради этого. Я вас слушаю.

Большинство сотрудников завода в присутствии Аронкиной мгновенно напрягаются, теряют дар речи, а если и говорят, то совсем не то, что думают. Такая реакция была в какой-то степени оправданной. Во-первых, будучи начальником отдела кадров и женой двоюродного брата генерального директора, она обладала определенными властными полномочиями. Во-вторых, у нее были внушительные габариты, которыми она просто задавливала. Когда надвигается этот центнер с лишним живой массы, многие сразу же капитулируют. Я же хоть и весила вдвое меньше ее, но никогда не страдала пониженной самооценкой. Надежда Степановна закрыла дверь и прошла в кабинет.

– Полина Андреевна, дело в том, что у нас каждый рабочий мнит себя детективом, выдвигает свои версии случившегося. Завод бурлит разными слухами, словно долина гейзеров. Это ненормально, даже аморально. Так вот, я хочу вам сказать, что все эти слухи надо пресекать в корне. Вы меня понимаете?

– Знаете, Надежда Степановна, я предпочитаю пользоваться исправным телефоном, а не испорченным.

– Что? – Аронкина вылупила на меня свои маленькие, глубоко посаженные глазки. – А, ну да, я поняла. Это – аллегория, испорченным телефоном обычно называют сплетни. Красиво сказано, очень красиво. Ну конечно, вы же умная, образованная девушка, юрист по профессии... Но ведь расследование причины ЧП не входит в ваши должностные обязанности, не так ли?

– Да, не входит, – согласилась я. – Но когда писали мою должностную инструкцию, то, наверное, не думали о том, что на заводе возможны катастрофы. Или вы меня как раз для расследования пригласили?

Кадровичка впала в ступор, но потом заставила себя растянуть рот в бледном подобии улыбки. Правда, она не оживила ее лицо, а сделала его каким-то «деревянным». Я вообще впервые видела, как Аронкина улыбалась. У нее всегда было одно и то же суровое выражение лица, вызванное критическим отношением к окружающим. После некоторой паузы она наигранно воскликнула:

– Ой, Полина, ну какая ты шутница! Жаль, что мы с тобой никогда раньше вот так близко не общались, очень жаль. Но ты приходи ко мне в любое время, поболтаем за чайком.

Это предложение меня удивило. Наверное, осознав, что давить на меня бесполезно, Надежда Степановна моментально перестроилась и отказалась от ультимативной формы общения. Но даже вежливость бывает колкой, когда так нарочито подчеркивается.

– Вы меня на чаепитие домой к себе приглашаете или в кабинет?

– Да, тебе палец в рот не клади, – Аронкина ухмыльнулась, затем резко развернулась и пошла к двери. Потом вдруг остановилась, наверное, о чем-то размышляла, повернулась ко мне вполоборота и сказала: – В общем так, Полина, с тобой, как и с другими сотрудниками завода, хочет побеседовать следователь из прокуратуры. Вот поэтому я тебя сюда и пригласила. Не надо с ним умничать, ладно? Отвечай только на поставленные вопросы, а со своим мнением вперед не лезь. Если оно у тебя имеется, то оставь его при себе. Ясно?

– Яснее не бывает.

– Вот и замечательно! Кстати, можешь и домой ко мне прийти, только предупреди заранее. А насчет разных слухов, так я думаю, ты все поняла, да? – Надежда Степановна подмигнула мне.

Похоже, она хотела, чтобы я передавала ей содержание этих слухов, не забыв упомянуть об авторах. Как бы не так! На меня нахлынула волна негодования, но я не проронила ни слова, помня о том, что скромное молчание – лучший довод в споре с руководством. Не дождавшись моего ответа, Аронкина ушла.

Визит начальницы отдела кадров ввел меня в удушливое состояние неопределенности. Аронкина явно чего-то опасалась. Но чего? Наверное, в слухах, что циркулировали по заводу, была истина, которую хотели скрыть. Кто и от кого? На первый взгляд это был очень простой вопрос. В том, чтобы сор не вынесли из избы, был заинтересован генеральный директор. Аронкина предана Кудринцеву как собака, вот и взялась за работу. Но где гарантия, что кто-то не проболтается членам комиссии? Такой гарантии нет. Кажется, Надежда Степановна намеревалась мне на то, чтобы я стала наушничать. Это позволило бы выявить того, кто много знает, и вовремя нейтрализовать его. Наверное, она не мне одной сделала такое предложение. Только мне она дала понять, что мы можем стать подругами со всеми вытекающими отсюда последствиями. А других, вероятно, «уговаривала» как-то иначе – кого кнутом, а кого пряником. Жалко, Лерка на больничном, она бы мне рассказала, в каком ракурсе с ней велась беседа.

«Итак, по факту взрыва возбуждено уголовное дело. Действительно, каковы же причины того ЧП? Может, это типичное для русского человека разгильдяйство? Или саботаж, устроенный рабочими, не попавшими в новый цех? А если то был теракт, направленный против

мэра? – размышляла я. – Ясно одно: меня вызвали на завод, потому что сегодня следователь прокуратуры общается здесь с сотрудниками. Аронкина предварила нашу беседу какими-то туманными предостережениями. Кажется, ее пугают слухи, которые могут дойти до прокуратуры. Интересная композиция, над ней надо хорошенько подумать».

Я включила чайник и стала насыпать в чашку кофе. В этот момент зазвонил мой мобильный телефон.

– Алло, – сказала я.

– Поля, привет! – В трубке послышался взволнованный голос Леры Гулькиной. – Слушай, я понимаю, что ты в отпуске, но, может, ты знаешь, что на заводе происходит?

– А почему ты так всполошилась?

– Так меня срочно на завод вызывают. Главбух позвонила мне и строго приказала выйти на работу. Я ей стала объяснять, что у меня больничный, а она сказала, что слышать ничего не хочет, потому как болезнь у меня не смертельная. Я тебя, как юриста, спрашиваю, приходить мне или нет?

– Ну раз начальство приказало, значит, надо явиться.

– Все равно не понимаю, к чему это. С кассой они и без меня справиться могут. Вот когда я зимой две недели гриппом болела, так никакого конца света не случилось. Тогда без меня обошлись, а теперь не могут, да? Нет, мне, конечно, льстит, что меня так ценят, но что с лицом делать? Болячки на таких местах, что их ни челкой, ни темными очками не спрячешь. Как бы еще шрамы не остались!

– Не надо было вперед всех лезть. Вот и результат, – я не смогла удержаться от этого замечания.

– Спасибо за сочувствие! Кто же знал, чем все это обернется? Кстати, что люди-то говорят, из-за чего взрыв произошел? В новостях за все это время ни слова сказано не было. Меня, знаешь, все домашние и соседи замучили вопросами, что да почему, а я сама толком ничего не знаю. Поля, ну что ты молчишь?

– Лера, ты мне рта раскрыть не даешь, а сама сто слов в минуту уже сказала.

– Все, молчу. Так какие версии?

– Пока полной ясности нет. Идет следствие, следователь прокуратуры с очевидцами разговаривает. Меня тоже на сегодня из отпуска отозвали. Думаю, тебя приглашают, чтобы допросить, – строго сказала я. – Ты ведь недалеко от взорвавшегося автомата стояла, скорее всего, что-то важное видела.

– Да ничего я не видела! Я вообще в другую сторону смотрела, на мэра.

– Ну вот так и расскажешь следователю, – посоветовала я, наливая в чашку кипятка.

– Значит, ты тоже на заводе, – задумчиво произнесла Гулькина. – Слушай, Поля, а этот следователь молодой?

– Не знаю, еще не видела его, – сказала я, с трудом сдерживая смех. Гулькина была неисправима в своем стремлении поскорее найти себе жениха. – Приходи, сама познакомишься с ним. Может, это как раз твой шанс.

– Сейчас не самый лучший момент, чтобы с женихами знакомиться. Даже не знаю, как по улице идти с таким лицом, – Лера вздохнула. – Тебе хорошо, у тебя своя машина...

– А ты такси вызови.

– Поля, ты обалдела! На какие шиши? – вскипятилась Гулькина так, будто я была перед ней в чем-то виновата. – Я все деньги на платье спустила, а оно от взрыва тоже пострадало. Искры на него попали и кое-где опалили ткань. Оказалось, что оно из синтетики, а я думала – из натурального шелка. Вот невезуха! Слушай, а может, следователь ко мне домой придет? Я его тут тортиком угощу, а? Он проникнется ко мне сочувствием, и тогда, может быть, у нас что-нибудь выгорит.

– А что, это идея! Позвони своей начальнице и скажи, пусть со всеми вопросами к тебе домой приходят, – съязвила я.

Кассирша немного подумала и сказала на полном серьезе:

– Нет, я так Надежде Петровне не смогу сказать. Ладно, попробую тональным кремом заретушировать ссадины.

– Попробуй.

– Поля, я к тебе сегодня забегу. Пока, – торопливо сказала она и положила трубку.

Я стала пить кофе, размышляя о том, что происходит вокруг. Что-то явно происходило, шли какие-то закулисные интриги. Вот кассиршу как раз следовало строго-настрого предупредить, чтобы она меньше болтала. Даже будучи на больничном, Лерка по своей природной и почти патологической болтливости могла разнести по всей округе какую-нибудь чушь или, напротив, не чушь, а как раз то, что надо скрыть. Но могла ли Гулькина знать важную информацию, которую еще не успела мне рассказать? Ничего действительно сенсационного она мне не сообщала. Хотя если Валерия сама не знает ценности тем сведениям, которыми располагает, то, может быть, о чем-то случайно умолчала. Ведь я особо не утруждаю себя пустыми разговорами с ней.

Выпив кофе, я решила пройтись по заводу и посмотреть, что там происходит. Я даже повод придумала, дабы вылезти из своей каморки, – уточнить у Тамары, менеджера производственного отдела, реквизиты одного покупателя. Конечно, можно было и по телефону решить этот вопрос, но я выбрала длинный путь.

В коридорах было пустынно, даже в местах, отведенных для курения. Обычно там всегда можно встретить пару-тройку сменяющих друг друга, как на вахте, сотрудников завода, считающих, что работа – это небольшой перерыв между перекурами. Кажется, для них «Красный Октябрь» – это место, где они могут приятно пообщаться друг с другом за сигареткой, а потом еще получить за это заработную плату. Причем во главе этой «дымящей» компании был главный технолог. Но сегодня вопреки расхожей поговорке «свято место» оказалось пусто. Похоже, Аронкиной удалось нагнать страху на весь курящий персонал.

Я зашла в производственный отдел. Солнце хоть и пробивалось сквозь вертикальные планки жалюзи, но хорошо освещало кабинет. Только лица у всех были скучные, даже подавленные. Им бы в мой кабинетик с видом на кирпичную стену! Научились бы ценить простое человеческое счастье.

– Чего киснем? – бодренько спросила я. – Жизнь все-таки продолжается.

На меня посмотрели так, будто я сказала совершеннейшую глупость.

– Для кого как, – философски изрек Иван Иванович, заместитель начальника отдела.

– То есть?

– Полина, разве ты не знаешь, что Дубцов, ну тот молоденький рабочий, что автомат запускал, умер в больнице? – спросила Тамара и под строгим взглядом своего шефа покрылась красными пятнами. – Его уже похоронили.

– Нет, я ничего об этом не знала, – сказала я. – А сколько ему было лет?

Мне никто не ответил. Я поняла, что расспрашивать обо всем, что касается взрыва, его причин и последствий, совершенно бессмысленно, на эти темы наложено жесточайшее табу. Уточнив интересующие меня реквизиты, я ушла.

Обратно я возвращалась другой дорогой – через старый цех. Там я столкнулась с Копчиком, но он уже не лез ко мне ни с какими вопросами, поздоровался и пошел дальше. У меня было такое ощущение, что все заводчане знают больше меня, но хранят молчание. С этим тяжелым чувством неопределенности я вернулась в свой кабинет.

Вскоре дверь открылась, и на пороге появился невзрачный мужчина средних лет, небольшого роста и немного сутуловатый.

– Полина Андреевна? – уточнил он.

– Да, это я.

– Замечательно. Вот я до вас и добрался. Следователь прокуратуры Истомин Леонид Павлович, – отрекомендовался визитер. – Насилу отыскал ваш кабинет. Это за какие же такие грехи вас в такую ссылку отправили?

– У нас, знаете ли, в заводууправлении ремонт, – пояснила я. – Вот всех ИТР и разбросали по разным корпусам.

– Вас уж что-то особенно далеко задвинули. Неужели для юрисконсульта ничего получше не нашлось?

– Похоже, что так.

– Ладно. Куда я могу присесть? – спросил Истомин. Не дожидаясь ответа, он взял стул, стоявший около стены, и поставил его с другой стороны моего стола. Я заметила у него на пальце обручальное кольцо и подумала, что Лерке в женихи он никак не сгодится. – Да, темновато у вас здесь как-то. Пейзаж за окном совсем мрачный, как в казематах.

– Нормальный пейзаж. Я отношусь к этой стене философски. Знаете, есть такое выражение – кирпичики мироздания, так вот...

– Простите, – перебил меня в момент посерьезневший Истомин, – согласен, я сделал неудачное сравнение. Что ж, давайте сразу приступим к делу.

– Давайте.

– Я ненадолго отвлеку вас от работы, мне, кроме вас, еще со многими людьми надо побеседовать. Итак, Полина Андреевна, спрошу сразу о главном. Что вы можете мне рассказать о Виталии Кирилловиче Борщинском?

– О Борщинском? – удивившись, переспросила я. – О главном механике?

– Да-да, именно о нем. Что он за человек, на ваш взгляд?

Интерес следователя прокуратуры к главному механику «Красного Октября» меня удивил. Почему именно он с него начал свои вопросы? Откровенно говоря, я не очень хорошо знала Виталия Кирилловича. По работе мы тесно не общались, на совещаниях он не слишком бросался в глаза. Пока его не спрашивали, он рта не раскрывал. Впрочем, один раз главный механик выступал на планерке, причем высказывался категорически против выпуска новой продукции и соответственно приобретения нового оборудования. Борщинский говорил, что тот, кто покупает излишнее, в конце концов продает необходимое. Все загалдели, и он стал приводить какие-то аргументы, но я плохо его слушала. Мои мысли тогда были далеко от сэндвич-панелей.

– По-моему, Борщинский профессионал, – вытянула я из себя. – Он уже давно работает на заводе, лет двадцать с лишним. Виталий Кириллович, кажется, начинал работу в жарочном цеху, а потом учился где-то заочно... Вам лучше зайти в отдел кадров и посмотреть его личное дело.

– Ах, оставьте! – Следователь махнул рукой. – Человек никогда не бывает так близок к совершенству, как при заполнении анкеты при приеме на работу. Вот вы, Полина Андреевна, сказали насчет института, в котором он якобы учился заочно... Говорят, нигде Виталий Кириллович не учился, а диплом у Борщинского поддельный. Вы ничего об этом не слышали?

– Поддельный диплом? С чего вы взяли?

– Видите ли, Полина Андреевна, сейчас вопросы задаю я, – вежливо, но твердо сказал Истомин.

– Леонид Павлович, мне нечего вам сказать. Я диплом Борщинского не видела.

– Но должны были об этом слышать. Вам, как юристу, надлежало проверить эту информацию, – назидательно произнес следователь, глядя не на меня, а на кирпичную стену за окном.

– Нет, я ничего об этом не слышала.

– Это странно, – Истомин бросил на меня беглый взгляд, – потому что мне буквально все сотрудники, с которыми я уже успел сегодня побеседовать, сразу именно об этом начинали говорить.

– Но вы же не будете опираться на слухи? Один известный правозащитник сказал, что комментарии свободны, а факты священны. Поддельный у Борщинского диплом или нет, это легко проверить.

– Конечно, конечно, я так и сделаю. Скажите, Полина Андреевна, договор на поставку оборудования для производства сэндвич-панелей у вас хранится?

– Да, этот и подобные договора хранятся у меня.

– Вы позволите мне на него взглянуть?

– Конечно, без проблем. – Я встала, подошла к сейфу, открыла его и достала толстую папку. Найдя нужный договор, я положила раскрытую папку перед Истоминим.

Он вынул из нагрудного кармана серой рубашки очки в металлической оправе и стал читать контракт, чему-то ухмыляясь. Лично я никогда ничего смешного там не находила, поэтому неадекватная реакция на шаблонный текст договора о поставке производственного оборудования стала меня раздражать. Я не смогла удержаться от вопроса:

– Леонид Павлович, что вас там так веселит?

– Веселит? Да как вам сказать, Полина Андреевна, знаете, есть такое выражение – «смех сквозь слезы»? Вот это как раз такой случай. Скажите, а вы сами-то здесь, – следователь прокуратуры ткнул пальцем в текст, – ничего любопытного не замечаете?

«Неужели я допустила профессиональную ошибку?» От этой мысли у меня холодок пробежал по коже.

– Позвольте, я посмотрю, – я потянулась за папкой.

– Нет уж, дайте мне дочитать до конца.

Я внимательно наблюдала за выражением лица Истомина. Он то хмурил брови, то растягивал рот в совершенно идиотской улыбке, то скептически покачивал головой. Я, мол, так и думал, что это все полнейший бред. Но я-то знала, что в этом договоре все подчинено букве закона, надлежащим образом оговорены все условия поставки, прописана ответственность обеих сторон и не забыт форс-мажор. Так в чем же дело?

– Да, – многозначительно изрек следователь прокуратуры, – ничего другого я и не ожидал.

– Может быть, вы все-таки мне объясните, что там не так?

– Полина Андреевна, вы же юрист! На таких договорах вы, наверное, уже собаку съели. Вам лучше меня надо бы знать, что здесь не так. – Истомин закрыл папку и повторил: – Я, собственно, ничего другого и не ожидал там увидеть. М-да, пренеприятнейшая история получается. Но что делать... И не такие узлы распутывали. А скажите мне, Полина Андреевна, кто нашел этого поставщика?

– Я не могу сказать, кто нашел посредническую фирму «Сеул» для приобретения южнокорейского оборудования, но подготовкой проекта договора занимался Зайцев, менеджер отдела материально-технического снабжения...

– Который на заводе уже не работает, – продолжил чрезвычайно осведомленный Истомин. – Так?

– Да, так.

– А по какой причине он уволился?

– По собственному желанию.

– Но эта причина так много в себя вбирает, не так ли? – Леонид Павлович снова на что-то намекал, но я не могла понять, на что именно.

– К чему вы клоните?

– Ой, Полина Андреевна, вы ведь сами прекрасно все понимаете! Иногда за этой формулировкой может стоять желание не самого работника, а его начальника. Ведь может?

– Допустим.

– Так вот меня интересует, Зайцев действительно сам уволился или ему навязали такое решение сверху?

– Не знаю.

– Плохо, Полина Андреевна, очень плохо. Вы – юрисконсульт, – уже в который раз следователь прокуратуры сделал на этом акцент, – поэтому должны знать все, что происходит на заводе.

– А я знаю все, что мне требуется для выполнения моих должностных обязанностей, – тут же парировала я. – Вот если бы Зайцева уволили не по пункту третьему статьи семьдесят семь Трудового кодекса, а по какой-либо другой статье, то я бы непременно проверила законность такого приказа. Извините, но то, что творится в душе у каждого сотрудника «Красного Октября», какие у него желания, меня не касается. На то у нас в штате есть психолог. Правда, она сейчас в декретном отпуске, но ушла туда всего месяц назад. Если бы Зайцев хотел пожаловаться на то, что его желание не совпадает с желанием работодателя, то успел бы к ней обратиться.

Истомин посмотрел на свои наручные часы и сказал:

– Жаль, что у меня больше нет времени на продолжение этого чрезвычайно интересного разговора, через пять минут я должен быть у вашего генерального директора. Полина Андреевна, я думаю, что встречаемся мы с вами далеко не в последний раз. У меня к вам есть еще вопросы, но это потом, потом. – Леонид Павлович встал, наклонил голову, посмотрел на меня поверх своих очков, таинственно улыбнулся и удалился.

Едва он вышел из кабинета, я принялась листать папку с договорами. Найдя нужный, я несколько раз его перечитала. Ничего странного, смешного и уж тем более противоречащего правовым нормам там не было. Над чем же ухмылялся Истомин? Что он там нашел? Я изучила каждую букву в контракте, каждую цифру и запятую, но все они стояли на своих местах и были совершенно оправданны. У меня голова пошла кругом. То ли я не замечала очевидного, то ли следователь прокуратуры был просто жалким недоумком. Так или иначе, но ситуация превратилась для меня в проблему.

Минут за пять до окончания рабочего дня ко мне забежала Гулькина.

– Поля, привет! Наконец-то я до тебя добралась! Скажи, я ужасно выгляжу, да?

– Да уж, похвастаться нечем. Но, к счастью, все это не смертельно.

Лера вздохнула, села на стул, закрыла рукой ссадину на щеке и спросила:

– Значит, ты про Дубцова уже слышала?

– Да, слышала.

– Такой молодой, всего двадцать два года... Кто бы мог подумать, что все так обернется! И зачем только Борщинский все это затеял? Как выпускали красный кирпич, так бы и выпускали... Зачем нужны были эти «сэндвичи»? Впрочем, ему-то они были нужны... Вот сволочь!

– Лера, ты хочешь сказать, в том, что произошло в тот злополучный день, виноват Борщинский? – искренно удивилась я.

– А кто же еще? – Гулькина посмотрела на меня так, будто я только что свалилась с луны.

– Ты ничего не перепутала?

– Нет. Оказывается, он всю эту сделку ловко провернул, установленное оборудование как следует не проверил... Конечно, после того как Борщинский «откат» получил, квартиру шикарную на него купил, ему уже все до фонаря...

– Лера, откуда ты все это знаешь? Ты ведь еще сегодня утром, когда мне по телефону из дома звонила, об этом понятия не имела, так? Или все-таки знала, но молчала?

– Ну я кое о чем уже давно догадывалась, – Гулькина замялась, – и хотела от тебя услышать подтверждение, но ты промолчала. Конечно, это не телефонный разговор... А тут я пришла на завод, а все в открытую говорят, что Борщинский – преступник! Не успела я в бухгалтерию зайти, как на меня столько новых подробностей обрушилось!

– Странно, а мне показалось, что на заводе все молчат, словно воды в рот набрали.

– Это тебе действительно показалось, потому что ты одна в этом кабинете сидишь, а у нас в бухгалтерии все разговоры только о главном механике, да и не только у нас...

«Похоже, в профессиональном хоре даже фальшь звучит профессионально», – подумала я. Лерка взглянула на часы и воскликнула:

– Ой, уже шестой час! Домой пора. Поля, ты сегодня на машине?

– Как обычно.

– Довезешь меня до дома?

– Куда же я денусь? Пошли.

Обычно я всеми правдами и неправдами старалась отвязаться от такой болтливой пассажирки, но сейчас случай был особый. Гулькина оказалась намного осведомленнее меня, и я собиралась по дороге у нее еще что-нибудь выведать. Это не было порочным любопытством. Меня охватило вполне здоровое желание докопаться до истины. Конечно, все, о чем говорит Лерка, надо мысленно пропускать через сито. Но было бы над чем поразмышлять, а «зерна от плевел» я уж как-нибудь отберу!

Когда мы сели в мой «Мини Купер», я спросила у Гулькиной:

– Ты помнишь Анатолия Зайцева из отдела снабжения?

– Ну еще бы! Такой высокий, симпатичный, у него был роман с Ленкой из отдела кадров, потом с Сонькой-укладчицей...

– Лера, меня не интересуют его любовные похождения. Если только это не связано с его увольнением. Ты не знаешь случайно, почему он уволился?

– Знаю, у него был серьезный конфликт с Борщинским, как раз из-за корейского оборудования.

– Да? А в чем суть того конфликта?

– Ну, Толик вроде бы до чего-то там докопался, и главный механик стал его выживать с завода всеми правдами и неправдами.

– Странно, а мне Виталий Кириллович никогда не казался скандальным и корыстным. Напротив, он производил впечатление очень интеллигентного человека, даже в критических ситуациях умеющего держать себя в руках. Потом он вроде бы был против приобретения этого злосчастного оборудования. Я на планерке как-то слышала, что он отрицательно высказывался по этому поводу, – размышляла я, не сводя глаз с дороги.

– Лицемер! Это он для отвода глаз. Сам выдвинул эту идею о расширении производства, а потом, чтобы никто ничего не заподозрил, стал делать вид, что ему эта сделка малоинтересна. Только уж процесс пошел, и стоил он немалых денег. Кстати, Поля, видишь вон те два новых дома-близнеца?

Я на секундочку повернула голову направо и сказала:

– Вижу, и что?

– Так вот Борщинский в одном из них себе квартиру купил. Каково, а?

– Да, впечатляет. Район хороший, да и планировка квартир в этих домах, наверное, отличная.

– Да, моя мама к одной знакомой в гости в этот дом заходила, в однокомнатную квартиру, так там площадь, как в нашей «трешке». Одна кухня-столовая чего стоит! В ней в футбол играть можно, – восторженно говорила Лерка.

– А зачем в столовой играть в футбол? – усмехнулась я. – У нее ведь совсем другое назначение.

– Ну это я так, образно сказала, чтобы подчеркнуть размеры. Тебе, Поля, конечно, проблемы с жилплощадью неведомы. Ты с дедом в огромном особняке живешь. У тебя нет бытовых проблем, да и вообще особых забот нет. А я вот с младшим братом в одной комнате сплю, причем в проходной. И перспектива у меня только одна – выйти замуж и переехать к супругу. Следователь из прокуратуры таким неинтересным оказался, да еще женатым... Поля, а может, у вас в коттеджном поселке есть какие-нибудь молодые и неженатые мужчины?

– До сих пор не замечала, но ради тебя присмотрюсь к соседям.

– Вот на этом спасибо! Знаешь, Полина, мне больше брюнеты нравятся.

– Ладно, блондинов, рыжих и лысых в расчет брать не буду, – сказала я, с трудом сдерживая улыбку.

– Нет, я, пожалуй, рассмотрю любые кандидатуры, разве что за исключением престарелых вдовцов. Ну вот мы и приехали. Как хорошо, что ты меня так быстро довезла, а то мне еще ужин приготовить надо. Я фарш накрутила, а котлеты пожарить не успела. На работу вызвали. Еще щи на завтра нужно сварить, – говорила Гулькина, демонстрируя свою домовитость.

– Ладно, пока, – я махнула Лерке рукой.

Она выпорхнула из моей машины, окрыленная надеждой на то, что я ей в самом скором времени кого-нибудь сосватаю. Только вот беда, ни одного кандидата в Леркины женихи у меня на примете не было. Развернувшись, я поехала в спортивный комплекс «Зенит», потому что в свободное от работы время предпочитаю нырять с головой не в кастрюльки, а в бассейн.

Гулькина сказала, что я не знаю никаких забот. Как же она не права! Она всегда жила с мамой и папой и понятия не имеет, что такое быть круглой сиротой. Неправда, что детство всегда беззаботно. Беззаботность возможна лишь до той минуты, пока не родится сознание ответственности за свои поступки и его последствия. Возможно, кто-то уже рождается с этим чувством. У кого-то его появление могут простимулировать определенные жизненные обстоятельства, как у меня. Я никогда не была озорной веселушкой и хохотушкой, а росла прагматичной особой, которая твердо знает, чего хочет. А хотела я, чтобы тот, кто виноват в смерти моих родителей, понес заслуженное наказание. Долгие годы в моей душе кипела жажда мести. И в конце концов я смогла воздать виновному по заслугам...

Да, мы живем с дедом в большом двухэтажном доме. В этом, конечно, есть свои плюсы, но и минусы тоже имеются. Одна уборка чего стоит! Дня не хватит, чтобы везде навести чистоту, а времени, честно говоря, на это неблагодарное занятие жалко. Нужна домработница, но мы не настолько богаты, чтобы ее завести. К тому же доходы у нас не стабильные – когда пан, а когда и пропал. А прислуге исправно платить надо, не реже одного раза в неделю.

Как-то раз Ариша выиграл в карты у одного бизнесмена. У того были временные финансовые трудности, поэтому в качестве выплаты карточного долга он прислал нам на недельку свою домработницу. Вот это был кайф! Даша нам такие королевские блюда три раза в день готовила, что я даже поправилась на два килограмма. Кроме того, она сделала такую генеральную уборку, которой наш коттедж никогда не знал...

Припарковавшись около бассейна, я вышла из машины. Не знаю, как другим, но мне занятия спортом доставляют огромное удовольствие. Я ведь занимаюсь аквааэробикой, и это дает мне возможность совмещать приятное времяпрепровождение с физической активностью. Несколько лет я просто плавала разными стилями, не для рекордов, а для поддержания хорошей физической формы. Но когда увидела занятия аквааэробикой, поняла, что это – мое. Хватит делать скучные заплывы от бортика к бортику! Даешь разнообразие нагрузок! Кстати, нагрузка в воде не так утомительна, как в зале, но достаточно результативна. Подобно тренажеру вода действует на все мышцы тела. Кроме того, она обладает целительной способностью снимать напряжение, расслаблять тело и мозг. Сейчас, когда я загрузилась заводскими проблемами, мне было это особенно необходимо.

Глава 3

Дед открыл мне дверь, и уже по одному выражению его лица я поняла – что-то случилось.
– Бонжур, Полетт! – сказал он с видом старого заговорщика. – А у нас гости.
– Я так и подумала, когда увидела около наших ворот чью-то «Ладду Калину». И кто же это? Наверное, один из твоих партнеров по покеру или преферансу?

– Не отгадала. Одна симпатичная барышня.
– Неужели седина в бороду – бес в ребро? – насторожилась я.
– О чем ты говоришь, Полетт! Ну как тебе не стыдно. – Ариша чмокнул меня в щеку и взял из рук спортивную сумку. – Я уже стар для этих забав. Вот если бы скинуть годков этак... надцать, то та мадемуазель непременно стала бы моей... партнершей по дамскому преферансу, для начала. Она приехала к тебе, моя дорогая Полетт.

– Ко мне? – изумилась я. – Но кто она? У моих знакомых нет такой машины.
– Ее зовут Света. Симпатичная такая, рыженькая. Почему-то всех рыженьких непременно Светами называют.

Дедово описание неожиданной визитерши ничего не прояснило.
– Нет, я понятия не имею, кто бы это мог быть. И что ей от меня нужно?
– Не могу знать. Барышня только сказала, что у нее к тебе какое-то важное дело, но в чем его суть, не раскрыла. Я ее предупредил, что ты будешь не скоро, потому что у тебя сегодня занятия в бассейне. Но она все равно решила дожидаться тебя.

– Странно, кому это я так срочно понадобилась. Просто теряюсь в догадках.
– Полетт, неужели ты на самом деле не догадываешься, кто она такая? – не поверил дед.
– Светлана... рыженькая... Нет, не припоминаю. Где она?
– Я проводил ее в гостиную кантри.
– В кантри? – переспросила я, продолжая гадать, кто ко мне пожаловал.
– Да, именно туда. Я подумал, что для «рококо» она не доросла, в ней нет претенциозности, светского лоска. Она еще совсем юное, неопытное создание, и в этом ее шарм, – дедовы глаза аж светились, когда он произносил эти слова.

– А чем, по-твоему, гостиная в стиле хай-тек ей не подходит?
– Видишь ли, внучка, я решил, что ей там будет неуютно. Барышня чем-то сильно расстроена, она вся на нерве. Холодный хай-тек мог усугубить ее душевное состояние.

– Ариша, а ты у меня, оказывается, философ! Ладно, пойду посмотрю, кого это к нам так неожиданно-негаданно занесло. Ты мою сумку отнеси, пожалуйста, в ванную, я ее потом разберу. Да, дедуля, я надеюсь, ты ей предложил чай или кофе?

– Предлагал, но она отказалась. Тогда я поставил на стол поднос с фруктами и ушел, оставив ее наедине со своими мыслями – грустными, между прочим.

– И давно она там грустит? – Я кивнула головой на дверь в гостиную кантри.
– Уже больше часа. Поспешу к ней, Полетт!
– Дед, ты бы ее чем-нибудь развлек, что ли.
– Хотел, но быстро понял, что Светочке неуютно в моем присутствии, вот я и не стал досаждать ей. Пусть, думаю, посидит, приведет в порядок свои мысли. Кантри к этому располагает.

– Ладно, – сказала я и открыла дверь.

Нежданная визитерша, стоявшая около окна, спиной ко входу, вздрогнула и оглянулась. Я сразу отметила про себя, что если и встречалась когда-либо с этой девушкой, то очень давно. Бледное лицо под копной светло-рыжих волос, зеленые, широко расставленные глаза, загадочная улыбка Джоконды... Что-то было в этом облике знакомое, но я не могла сразу вспомнить, кто стоит передо мной.

– Здравствуй, Полина! – сказала она, подчеркивая своим обращением на «ты» наше знакомство.

– Здравствуй, – я дежурно улыбнулась, продолжая напрягать свою память.

– Не узнаешь меня? Жаль, а ведь мы в одной школе учились, только я немного младше тебя. Неужели я так изменилась? – Светлана провела рукой по своим рыженьким волосам.

– Да-да, теперь припоминаю, – я закивала головой. – Мы еще в одном спектакле вместе играли.

– В «Маленьком Принце». Ты была Розой, а я – Лисом, – напомнила она и загадочно улыбнулась.

– Света, прости, сразу не узнала. Что же ты стоишь? Садись, угощайся фруктами. – Я оторвала от кисти одну виноградинку и положила ее в рот. – Вкусный.

– Спасибо, – девушка прошла к центру гостиной и присела в кресло из ротанга, – я не голодна. У меня совсем нет аппетита.

Разместившись по другую сторону овального стола, накрытого льняной скатертью с крупным рисунком, я спросила:

– А что случилось?

– Поля, ты помнишь мою фамилию? – Гостья посерьезнела, даже напряглась.

Я, не задумываясь, отрицательно кивнула головой, но в последующий момент вдруг явственно вспомнила эпизод из своей школьной жизни. После театральной постановки мы, как полагается, вышли на поклон. А училка по французскому (мы ставили спектакль на языке оригинала) называла наши фамилии. В голове отчетливо звучал ее голос: «Лис – Светлана Борщинская». Этим все объяснялось.

– Ты – дочь Виталия Кирилловича?

– Да, – сказала Света, и на глазах у нее заблестели слезы. – Полина, прошу тебя, помоги!

– Какой помощи ты от меня ждешь? – несколько отчужденно спросила я. – И вообще, почему ты вдруг решила прийти ко мне?

– Поля, ты же знаешь, что произошло на прошлой неделе на заводе! – с упреком бросила она. – Зачем же спрашиваешь, будто сама ни о чем не догадываешься?

– Но я на самом деле не понимаю, что привело тебя ко мне, – холодно ответила я.

– Дело в том, что в заводской трагедии обвиняют моего отца, – Светин голос стал каким-то тусклым, совсем не похожим на тот, каким она говорила до этого. – Произошло жуткое стечение обстоятельств – взрыв при мэре, да тут еще пострадавший рабочий умер... Полина, поверь: папа ни в чем, совершенно ни в чем не виноват! Его подставляют!

– Допустим, но...

– Ясно, ты мне не веришь, но я тебе все объясню. Это Кудринцев во всем виноват, он давно хотел от моего отца избавиться, но у него ничего не получалось. А теперь, прикрывая себя, он всю вину на отца валит. Знаешь, что теперь папе грозит?

– Наверное, статья сто девятая – причинение смерти вследствие ненадлежащего исполнения лицом своих профессиональных обязанностей, – блеснула я своей юридической просвещенностью, и после этих слов Света закрыла лицо руками. Кажется, расплакалась. – Только вот этого не надо! Перестань реветь!

Мало-помалу Борщинская успокоилась и сказала:

– Полина, я всего-то прошу тебя, чтобы ты дала следователю правдивые показания. Понимаешь, все руководство оклеветало отца. Ладно, ваш генеральный на него зуб имеет, а другие-то почему врут? Наверное, им директор приказал. Но ты-то юрист! Ты должна говорить правду! Благодаря тебе, возможно, скорее прольется свет истины на всю эту темную историю!

Вероятно, Светлана дома готовилась к тому, чтобы с таким пафосом произнести последнюю фразу. Может, даже репетировала перед зеркалом. Я вдруг подумала о том, что дочь –

лицо заинтересованное. Откуда мне знать, что она говорит правду и не выгораживает своего любимого папочку? На заводе бытует совсем другое мнение о Виталии Борщинском.

– Света, – сказала я, немного подумав, – в одном я с тобой целиком и полностью согласна. Истина должна восторжествовать. Как штатный юристконсульт завода «Красный Октябрь», я не могу допустить того, чтобы кто-то на кого-то сваливал свою вину. Тем более есть жертвы. Это уже серьезно. Знаешь, я, пожалуй, проведу свое собственное расследование и выясню, кто виноват в том, что автомат взорвался.

– Ты, конечно, можешь заниматься этим расследованием, но я уверена, что папа ни в чем не виноват. Он как раз настаивал на том, что оборудование надо тщательно проверить в действии. Но ему мешали, ему вставляли палки в колеса...

– Что значит мешали? Твой отец – главный механик завода, он был обязан сделать пробный пуск. Если директор будет отвечать за каждый станок, за каждое рабочее место, то зачем нужны подчиненные?

– Он проверил автоматы при холостом ходе, а вот загружать в них сырье Кудринцев не позволил, сказал свое категоричное «нет», и папа не мог его послушаться.

– А чем Владимир Дмитриевич мотивировал свое решение?

– Ничем. Он просто выпендриться хотел перед мэром, сделать первый пуск в присутствии Бурляева. Понимаешь, если запустить автомат, то он должен работать непрерывно. А как же разрезание красной ленточки и торжественный запуск нового производства? В этом весь эффект, понимаешь?

– Слабая «отмазка» для того, чтобы пренебрегать техникой безопасности, – заметила я.

– Других у меня нет. Я передаю тебе то, что сказал нам с мамой отец. Он нам никогда не врал. – Света немного помолчала, потом сказала: – В общем, отец к взрыву не имеет никакого отношения, во всем виноват Кудринцев. Я думала, что для тебя это очевидно. Но если ты сможешь найти какие-то доказательства и предъявить их следствию, то я не против твоего расследования. Дело быстрее решится в нашу пользу.

– Света, по-моему, ты не отдаешь себе отчета в том, что результат моей проверки может быть самым непредсказуемым.

– То есть? Что ты хочешь этим сказать?

– Понимаешь, нам всем свойственно идеализировать своих родных и близких. Возможно, ты заблуждаешься относительно своего отца, – сказала я и увидела в глазах Борщинской явный протест. – Подожди, не перебивай меня! Понимаешь, дыма без огня не бывает. Если в чрезвычайном происшествии обвиняют не рабочего, запустившего автомат, на которого, кстати сказать, проще всего свалить вину, потому что он умер, не инженера по технике безопасности, не начальника цеха, а главного механика завода, значит, на то есть основания. А что, если ты не знаешь всей правды об отце? Стоит ли мне все это затевать для того, чтобы ты узнала, как все было на самом деле, и разочаровалась в нем?

– Стоит, Полина, стоит! – яро настаивала на своем Борщинская. – Я уверена: папу подставил Кудринцев.

– Это голые слова, – отмахнулась я.

– Ладно, я тебе все расскажу. Дело в том, что они давние враги. Мой отец когда-то отбил у Владимира Дмитриевича девушку, мою будущую маму. Причем «отбил» практически в прямом смысле. Они дрались из-за нее.

– Бывает, – сказала я без особого интереса.

– Знаешь, Кудринцев вообще любит кулаки в ход пускать. Мама с ним недолго встречалась. Однажды он пришел на свидание пьяным, она сделала ему замечание, а он ее ударил. После этого они расстались. Потом мама познакомилась с моим будущим отцом. Кудринцев узнал об этом и со своими друзьями подкараулил его около дома. Представляешь, они вчетвером на одного напали?

– Света, ну какое это имеет отношение к сегодняшнему дню?

– Прямое! – уверенно заявила Борщинская. – Я хочу, чтобы ты поняла, что ваш генеральный очень мстительный и подлый человек. Для него нет ничего святого. При каждом удобном случае он мстил моему отцу. Мне сейчас не хотелось бы смаковать все эти некрасивые подробности, это ведь не только меня касается...

– Я и не прошу тебя это делать.

– Но ты ведь не веришь мне? Вот от тебя я этого никак не ожидала!

– Света, ты говоришь: твой отец и Кудринцев – давние враги, но тем не менее они больше двадцати лет работают на одном заводе, причем Виталий Кириллович находится в подчинении у Владимира Дмитриевича. Прости, но для заклятых врагов это как-то нехарактерно.

– Да, они оба давно работают на нашем кирпичном заводе. А где еще в Горовске можно работать? «Красный Октябрь» – самое крупное предприятие. Сначала они оба были простыми рабочими, потом папу назначили главным механиком. Это сделал предыдущий директор, предшественник Кудринцева. Правда, Владимиру Дмитриевичу больше повезло в карьере, он смог подсидеть Попова и стать генеральным директором. На том папино продвижение по служебной лестнице остановилось. А он хотел быть техническим директором. Попов обещал ему эту должность, но не успел на нее назначить. А при Кудринцеве его, напротив, едва не уволили. Но, к счастью, тогда все обошлось. Конечно, отцу было тяжело работать под началом врага, но если бы мы жили в областном центре, то он нашел бы другую высокооплачиваемую работу по своей специальности, но у нас таких возможностей мало, почти нет. Все хорошие места уже заняты.

– Кстати, о специальности. Что Виталий Кириллович окончил?

– Средне-Волжский политехнический институт, электромеханический факультет. А что? – Света заметно напряглась.

– Он заочно там учился?

– Да, но почему ты об этом спрашиваешь? А, наверное, до тебя уже дошли слухи о том, что он диплом потерял? Правильно говорят, Горовск – большая деревня. На одном краю чихнули, на другом слышали.

– Когда и при каких обстоятельствах Виталий Кириллович потерял диплом об окончании института?

– Наверное, когда мы на новую квартиру переезжали, а может быть, раньше. Месяца три назад его попросили в отдел кадров принести все документы – паспорт, военный билет, диплом, пенсионное свидетельство, вот тогда-то и обнаружилось, что диплом пропал.

– А зачем отделу кадров вдруг понадобились его документы?

– Не знаю, вроде бы была плановая проверка личных дел. Поля, а разве у тебя не проверяли документы? Папа сказал, что у всех...

– А, да, было такое, – подтвердила я, хотя ни о чем подобном даже и не слышала. – Так, и как же он выкрутился?

– Никак, папа до сих пор висел на волоске. Теперь его собираются уволить. А тогда Аронкина сказала ему, что надо поискать диплом, а если не найдется, то дать объявление в газету о его утрате. Только папа таких объявлений не давал, думал, что диплом отыщется. А начальница отдела кадров его периодически теребила с этим вопросом. Месяц назад она сказала, что после открытия нового цеха будет аттестация, и он, скорее всего, ее не пройдет.

– Почему?

– Без высшего образования нельзя занимать должность главного механика.

– Вообще-то, это правильно.

– Но у папы есть высшее техническое образование! Он приносил диплом в отдел кадров сразу по окончании вуза. В те годы еще не делали ксерокопий, но в деле есть номер диплома.

– Света, ходят слухи, что диплом у твоего отца был поддельный, вот он и не принес его на проверку.

– Чушь! Папа на самом деле учился в Средне-Волжском политехническом институте! Я понимаю, многих удивляет, с какой стати он выбрал вуз, находящийся совсем в другой области. Но у нас там живут родственники. Папин дядька посоветовал ему этот институт, он туда и поступил. У нас ведь в Горовске тогда было только два высших учебных заведения – педагогический да филиал медицинского института, – убедительно вещала Борщинская. – А папа – технарь.

«Учиться-то он, может быть, там и учился, но окончил ли?» – подумала я, но не рискнула озвучить свою мысль под напряженным Светиным взглядом.

– Не надо на меня так смотреть, ситуация сложилась довольно серьезная. Диплом нужно найти, в крайнем случае, взять из института соответствующий документ.

– Так его уже больше не существует: еще в девяностых годах этот институт расформировали. Факультеты по другим вузам разбросали.

Надо же как интересно! Институт закрыли, и вроде бы все концы в воду? Нет, так дело не пойдет!

– Допустим, – сказала я, – но в архиве того города должна быть информация обо всех выпускниках закрывшегося института.

– Но папа, как ты понимаешь, теперь туда поехать не может. Он ведь дал подписку о невыезде. Но если это так необходимо, то я туда сама съезжу.

Я подумала, если подделывают диплом о высшем образовании, то справку из архива тем более можно подделать или купить. Пока аргументов в защиту Борщинского не прибавилось.

– Света, ты сказала, что вы недавно квартиру новую купили. Где, если не секрет?

– Да, мы взяли ипотечный кредит на двадцать лет и купили трехкомнатную квартиру в одном из «близнецов» на площади Дружбы. Хочу заметить, что нам дали социальную ипотеку со льготными процентами. Наша семья считается многодетной, к тому же мы сдали городу неприватизированную малогабаритную квартиру. Если папу уволят, то мы лишимся основного источника доходов. Я уж не говорю про то, что его могут посадить. Мне страшно представить, что мы тогда делать будем. На мою и мамину зарплату кредит не вернешь, потому что мама в музыкальной школе работает, а я – в одной коммерческой фирме, но ситуация там нестабильная. Пока дела идут нормально, но все может быть... Еще у меня есть две младшие сестренки, они в школе учатся. Лена – в десятом классе, а Оля – в восьмом.

– Значит, говоришь, ипотечный кредит взяли?

– Да, – подтвердила Света. – Сейчас многие так делают. Очень выгодно, если есть социальные льготы и стабильная работа.

– Да? Я никогда тонкостями ипотеки не интересовалась.

– Ну, разумеется, тебя ведь жилищный вопрос не волнует, – поддела меня Борщинская. – У тебя такой дом огромный! Неужели вы с бабушкой вдвоем здесь живете?

– Да, – сказала я, мило улынувшись, а потом предалась размышлениям.

Наверняка Светлана сказала правду про то, что квартиру они купили, взяв ипотечный кредит. Эти сведения очень легко проверить, хотя бы через нашу бухгалтерию, где об этом непременно должны знать. Только вот «откат» ее папочка все равно мог взять. Одно не исключает другое, наоборот, даже предполагает. Уж так у нас повелось, что грязные дела дают чистую прибыль. Значительную часть своего семейного бюджета Борщинские вынуждены ежемесячно вносить в банк в счет погашения кредита, а ведь на текущие расходы многодетной семье деньги тоже нужны, и не маленькие, чтобы соответствовать статусу жильцов элитного дома. И они наверняка соответствуют. Света одета дорого. Уверена: у нее костюм от Kenzo, а сумка, кажется, Furla, я видела такую в «Модном пассаже». Это дед Ариша в последних тенденциях моды не силен, вот и сказал, что в Светлане нет светского лоска. Лоск есть. Но есть ли искренность? Вдруг она сказки мне тут рассказывает? Честность – это что-то вроде игры в жмурки. Можно правду быстро найти, а можно и не обнаружить ее вовсе...

Устав от затянувшейся паузы, Борщинская снова стала защищать отца:

– Казакова, ну, пойми ты, мой папа – честнейший, порядочный человек! Он – профессионал, поэтому сразу понял, что вся эта затея с покупкой импортного оборудования через никому не известную, к тому же не местную фирму просто абсурд. Но его никто не слушал, никто! Кудринцев настаивал на своем, а все остальные не хотели портить с генеральным директором отношения. Если бы отец был более напористым, он бы не допустил этого, но папа не смог. Силы были неравными, один против всех, ни одного союзника, ни одного. Вот и сейчас его все стали топить. Одна надежда на тебя, Полина. Заводской юрисконсульт должен быть беспристрастным. К тому же мы с тобой когда-то дружили...

Насчет того, что мы когда-то дружили, Светка, конечно, переборщила. Мы просто учились в одной школе. А вот насчет того, что юрист должен стоять на страже закона и быть беспристрастным, она была права. Негоже, если Борщинского несправедливо обвинят в серьезном преступлении и он получит срок. А вдруг главный механик действительно виноват? Я должна была докопаться до истины.

– Света, как-то странно, что Виталий Кириллович за свою многолетнюю трудовую деятельность не нашел на заводе ни с кем общего языка. Да что там не обзавелся единомышленниками! Он еще и конфликтовал кое с кем, – я постепенно вводила разговор в нужное русло.

– Конфликтовал? – Моя собеседница нахмурилась. – Не может этого быть! У папы такой мягкий характер, и в этом все его проблемы.

– Ну ты, Света, наверное, не все знаешь. Я слышала, что у него был серьезный конфликт с менеджером отдела снабжения.

– С Толей Зайцевым? – Борщинская слегка покраснела.

– Света, оказывается, тебе известно об этом!

– Нет, Полина, ты все неправильно поняла. Дело в том, что я знаю Толю Зайцева и уверяю тебя – у них никаких конфликтов по работе не было.

– А не по работе? На личной почве, например, а? – Я подумала, что Зайцев мог узнать про «откат» и потребовать свою долю.

– Понимаешь, я встречалась с Толей. А папа... он очень ревностно к этому относился. В общем, Зайцев не нравился отцу, он не хотел видеть его рядом со мной.

– Почему?

– Ну, у него вроде на заводе с кем-то служебный роман до меня был, – сказала Света, и я вспомнила Леркины рассказы о том, что Анатолий был настоящим бабником, только вот на Гулькину не запал. – Я не хочу об этом говорить, да и вся эта история не имеет никакого отношения к должностному преступлению, в котором обвиняют отца.

– Тем не менее Зайцев уволился. Хотелось бы знать, почему?

– Он уехал в Москву на заработки. У него там двоюродный брат уже два года живет, вот Толик к нему и подался. Он там хочет денег подзаработать и вернуться обратно в Горовск, – не слишком уверенно сказала Света.

– Он, наверное, тебе звонит оттуда каждый день?

– Сначала так и было, а потом Анатолий стал постепенно скатываться в язык смайликов и эсэмэсок, – Борщинская грустно улыбнулась. – Наверное, отец был прав, Зайцев не относился ко мне серьезно... Ну что, я на все твои вопросы ответила? Все сомнения разрешила?

Я пожалала плечами, потому что не знала, кому верить – Валерии или Светлане. На каждый аргумент Гулькиной нашелся контраргумент Борщинской. Лерка, конечно, трепло, но зачем ей меня обманывать? Зато у Светки есть на то основания. Она любой ценой хочет оправдать своего отца. Как же дела обстояли на самом деле? Кто был инициатором расширения производства за счет выпуска сэндвич-панелей – Кудринцев или Борщинский? Диплом у Виталия Кирилловича поддельный или утерян при неизвестных обстоятельствах? Борщинские купили квартиру по социальной ипотеке или на «откат», полученный главным механиком за удачно проверну-

тую сделку? Зайцев, работавший с поставщиком злосчастливого оборудования, уволился из-за конфликта с Виталием Кирилловичем или потому что нашел работу в Москве?

Меня разобрал прямо-таки жгучий интерес к тому, как же все было на самом деле? А потому надо было срочно искать альтернативный источник информации.

– Значит, так, Света, повторяю: я должна лично все проверить, и если подтвердится, что твой отец стал жертвой оговора, то я постараюсь его вытащить.

– Спасибо, я знала, что могу на тебя рассчитывать. Я сегодня же скажу папе, что он уже не один. Это его подбодрит. Знаешь, многие заводчане уверены в том, что это он во всем виноват, и смотрят на него как на врага. Каждому не будешь объяснять, кто на самом деле за всем этим стоит. Кто-то распустил грязные слухи по всему заводу. А после похорон Дубцова на нас обрушился шквал гневных звонков. Папу откровенно обвиняют в его убийстве. У отца едва сердечный приступ не случился, давление вообще зашкаливает, а он все равно на работу ходит... Правда, его грозятся со дня на день уволить. Он только на тебя и надеется, – сказала Борщинская, взяла сумку и достала свою визитную карточку. – Вот, здесь есть номер моего мобильного телефона. Это так, на всякий случай.

Я заглянула в визитку – Светлана Витальевна работала психологом в фирме «Континиус». Это меня несколько удивило. Она встала из-за стола и решительно шагнула к двери. Я последовала за ней и проводила ее до машины, затем вернулась в дом. Дед встретил меня в прихожей вопросом:

– Ну и кто эта милая барышня?

– Так, моя школьная знакомая, – отмахнулась я. – Училась классом младше меня.

– Да? А что ей от тебя вдруг понадобилось?

– Ничего особенного. Это наше, девичье, – отмахнувшись, я сразу же перевела разговор на другую тему: – Знаешь, Ариша, я просто умираю с голоду. У нас есть что-нибудь пожевать, кроме фруктов?

– Конечно. Я сегодня развлек себя посещением местного продуктового магазина. Купил фрукты, курицу.

– Курицу? Так ее еще готовить надо, – я разочарованно вздохнула.

– Только разогреть, я купил курицу-гриль. Она была с пылу с жару, но, должно быть, уже остыла.

– Дед, ты просто прелесть! – Я поцеловала Аришу и пошла в столовую.

За столом дед ни о чем меня не расспрашивал. Он понимал, что трапеза не время для серьезных разговоров. Но вот после ужина он сразу же осведомился:

– Так ради чего Светочка ждала тебя больше часа? Неужели для того, чтобы обсудить, какой цвет губной помады нынче в моде?

– Дед, давай не будем сейчас об этом, – снова отмахнулась я. Мне самой пока не было ясно, справедливо ли Борщинского обвинили во взрыве нового оборудования или нет. Не хотелось вводить деда в заблуждение.

– Ладно, Полетт, не смею больше докучать тебе своими стариковскими вопросами. Захочешь, сама расскажешь, – мой прародитель взглянул на меня с испуганной нежностью и вышел из столовой.

Я знала, что любая неразрешенная ситуация будет безраздельно властвовать над моим сознанием, пока не найдет достойного выхода. Мне было органически необходимо докопаться до истины. Несправедливость неприемлема для меня в любом виде. Это и неудивительно, ведь я – юрист по профессии. А по призванию? Кажется, тоже. Моя мечта – открыть в ближайшем будущем собственную юридическую фирму.

Загрузив тарелки и прочую кухонную утварь в посудомоечную машину, я пошла в свою комнату. Руки сами потянулись к саксофону. Играя кантилену Берлиоза, я вдруг явственно

ощутила, что уже нахожусь на грани неведомого будущего, но еще слышу отголосок исчезающего прошлого...

Глава 4

На следующий день сразу после завтрака я занялась изучением предусмотрительно отсканованного договора на поставку оборудования для производства сэндвич-панелей. Ехидненькая ухмылка следователя Истомина прочно засела в моем мозгу. Неужели он смыслит в этом больше меня? Я решила для себя – расшибусь в лепешку, но пойму, что в контракте не так. Перечитав его на свежую голову, я вдруг поняла, что единственным слабым местом договора может быть сам поставщик. Мне стоило сразу об этом догадаться! О фирме «Сеул» я не знала ничего, кроме ее юридического адреса и фамилии руководителя – Молоканов О.П. Возможно, следователь Истомин был гораздо более осведомленным на этот счет. Вдруг у «Сеула» плохая репутация или это вообще подставная фирма, существующая только на бумаге? Действительно, откуда в российской глубинке вдруг взялось коммерческое предприятие, занимающееся поставками продукции аж из Южной Кореи? Я ощутила острую необходимость поехать в областной центр и своими собственными глазами посмотреть, что такое этот «Сеул».

Дед куда-то ушел из дома еще раньше того, как я поднялась с постели. Кажется, он хотел съездить в областной центр. Я позвонила Арише на мобильник, чтобы захватить его с собой за компанию. Звонок раздался в соседней комнате. Опять дедуля забыл свой телефон дома! Что ж, придется ехать в дальнюю поездку одной!

Вскоре я уже сидела в своем «Мини Купере» и катила по извилистой грунтовой дороге к шоссе, соединяющему Горовск с областным центром. А попав на гладенькую трассу, мое авто показало, на что способны сто шестьдесят «скакунов» в моторе. До города я добралась за два часа. Правда, потом еще минут двадцать плутала по областному центру в поисках Валовой улицы. Она была протяженностью всего в один квартал, и многие горожане понятия не имели, как к ней подъехать с учетом одностороннего движения.

Припарковавшись около трехэтажного административного здания из бетона и стекла, значившегося на этой улице под номером два, я заметила среди многочисленных вывесок и ту, на которой было написано крупными буквами – ООО «Сеул». Только теперь я озабочилась вопросом, как мне действовать дальше. Представляться юристом «Красного Октября» означало загубить все дело на корню. Нужен был нестандартный подход. Еще немного подумав, я достала из сумки косметичку и стала делать свой макияж. «Больше косметики, всякой и разной!» – это не мой девиз, но сегодня обстоятельства настойчиво требовали взять его на вооружение. Мне нужно было не только изменить свою внешность, но и создать, к примеру, образ эксцентричной особы, которая сама толком не знает, чего хочет. Пока никакого конкретного сценария у меня не было – я надеялась на импровизацию.

Фирма, занимающаяся поставками импортного оборудования, располагалась на третьем этаже здания, причем в самом конце коридора. На двери висел уже пожелтевший от времени листочек, и на нем крупными буквами было напечатано ее название. Это красноречиво свидетельствовало о несовременности предприятия, с которым кирпичный завод «Красный Октябрь» заключил сделку на очень большую сумму.

Я открыла дверь и увидела совсем маленькую комнатку, в которой скученно стояли четыре облезлых стола. Но только за одним сидел молодой человек и тупо смотрел в монитор. На мое появление он никак не отреагировал.

– Здравствуйте! – сказала я, зайдя без приглашения в кабинет.

Сотрудник «Сеула» вскинул на меня удивленный взгляд и осведомился:

– Девушка, вы уверены, что пришли по адресу? Склад парфюмерной фирмы этажом ниже, прямо под нами.

– Нет, я не ошиблась. Вы ведь тут оборудованием торгуете, так? – сказала я, усевшись на стул для посетителей и закинув ногу на ногу.

– Ну в известном смысле так и есть, – ответил молодой человек и бегло взглянул на мои ноги. – А что именно вас интересует?

– Для начала мне просто нужна ваша консультация.

– Боюсь, что вы все-таки не туда попали.

– Туда. Я вам сейчас все объясню. Дело в том, что я открываю свою фирму, – ляпнула я первое, что пришло в голову, – и подыскиваю поставщиков. Вы ведь поставляете импортное оборудование, так?

– Да, в основном южнокорейское. Но что конкретно вас интересует?

– Все, – я сделала широкий жест рукой. – Но для начала, может быть, вы мне покажете рекламные проспекты, прайсы?

– Да нет проблем, но, честно говоря, меня удивляет, что вы решили заняться такого рода бизнесом. Вот если бы вы сказали, что хотите открыть магазин модной одежды или что-то в этом духе, я бы не удивился. Но станки, автоматизированные линии, словом, промышленное оборудование... Зачем вам это нужно?

– Для повышения самооценки, если хотите, – сказала я и кокетливо поправила юбку.

– Вот уж ни за что не поверю, что у вас заниженная самооценка! – усмехнулся мой визави. – Скорее уж наоборот.

– Да, представьте себе, иногда такое со мной случается. Чувствую себя голой душой. И это все из-за мужчин, которые видят во мне только блондинку и ничего более. Между прочим, у меня в Горовске, – при упоминании об этом городе сотрудник «Сеула» стал нервно теревить авторучку, что наталкивало на определенные размышления, – как раз был небольшой магазинчик нижнего белья, названный моим именем – «Эмилия». Так вот, мне пришлось его продать.

– А при чем здесь этот магазин?

– Как при чем? Все мужчины, с которыми я знакоилась, непременно начинали подкалывать меня... У меня, мол, как и у всех блондинок, в голове только и мысли, что о... простите за прямоту, о сексе. В конце концов мне это надоело, я решила продать магазин белья и открыть фирму, торгующую какой-нибудь серьезной техникой. Теперь вы меня понимаете?

– Не совсем. А не проще ли перекрасить волосы?

Дурак! Я же в парике, а ты этого не понял!

– Не проще. Тогда все будут думать, что я не поняла инструкцию, как пользоваться краской для волос. А вообще, я хочу всем доказать, что у блондинок в голове много чего серьезного имеется, – сказала я с пафосом.

– Что ж, мотивы ваши мне, конечно, понятны, но вот в чем проблема. – «Сеулец» задумался, вероятно, подбирая подходящие слова. – Для организации такого рода бизнеса надо иметь хотя бы элементарные технические знания.

– И вы туда же! – воскликнула я, делая вид, что обиделась.

– Нет, девушка, вы меня не так поняли, – поспешил оправдаться молодой человек. – Дело совсем не в том, блондинка вы или брюнетка. Если уж кто-то решил надеть на шею петлю бизнеса, то это, на мой взгляд, должно быть то направление, в котором он или она хорошо разбирается. Иначе узел быстро затянется. Я ни черта не смыслю в женской одежде, какие фасоны в моде, какие фирмы-производители предпочтительнее, но понимаю в технике, а вот мой старший брат даже электрическую розетку не починит, он – гуманитарий, работает в газете, в свободное время пишет стихи. Скажите, а какое у вас образование?

– Высшее.

– Я имел в виду вашу специальность.

– Я – бухгалтер.

– Бухгалтер? Вот как? – переспросил он тоном искреннего сомнения.

– Да, – не без гордости за свою светлую голову ответила я.

– Это хорошо, но...

– Молодой человек, – перебила я, – вы меня не отговаривайте! Я твердо решила заняться продажей серьезного оборудования, причем чем тяжелее и сложнее оно будет, тем лучше.

– А почему именно того, которое мы поставляем? Разве в области мало других посреднических фирм и собственно производителей? – почему-то насторожился сотрудник «Сеула». – Почему вы остановили свой выбор именно на нас?

– Молодой человек, вы себе льстите! – усмехнулась я. – Мой выбор пока ни на ком не остановился. Я не только вашей номенклатурой интересуюсь. У меня есть и другие варианты, так что я нахожусь в свободном поиске.

«Сеулец», тщательно скрывая свою улыбку, поинтересовался:

– А где же вы взяли базу данных?

– Да это же проще простого! Выписала из «Желтых страниц» все фирмы, которые поставляют импортную технику, и стала с ними знакомиться. Вот «Сеул» уже пятая, которую я посетила за сегодняшний день. Осталось примерно столько же. Так что выбирать есть из чего.

– А почему вас отечественная продукция не интересует? Выбор мог бы быть еще больше, – подкалывал менеджер.

– Как вам сказать, сидит у меня в голове такой пункт – импортная техника всегда лучше! Вот взять, к примеру, наш автопром...

– Да, в этом вы правы. Ну что ж, Эмилия, я желаю вам успеха на новом поприще...

– Вы что же, меня выпроваживаете? А как же знакомство с вашей номенклатурой?

«Сеулец» не успел ответить на этот вопрос, потому что зазвонил телефон, и он, сняв трубку, сказал:

– Алло! Да, Олег Павлович, все нормально. Компьютер подчищаю... Письмо? Кажется, было. Сейчас посмотрю...

Молодой человек отложил трубку, повернулся ко мне спиной и стал что-то искать на полке. Воспользовавшись благоприятным моментом, я осторожно взяла с соседнего стола рекламную брошюру и засунула ее в свою сумку. Едва я успела это сделать, как сотрудник фирмы повернулся и положил на стол раскрытую папку. Скосив глаза, я заметила письмо на фирменном бланке завода «Красный Октябрь». Чуть подавшись вперед, я хотела прочитать, о чем там идет речь, но молодой человек предусмотрительно задвинул папку под кипу бумаг. После этого он взял трубку и сказал:

– Да, я нашел. Переделать? Отсканировать? Ясно. Сейчас запишу. – «Сеулец» взял ручку и написал на листочке какое-то слово. Проявлять явный интерес к написанному я не могла, а с моего места не было видно, что он накорябал своим мелким почерком. – Хорошо, я все сделаю.

– Босс? – спросила я сочувственно.

– Да, надавал кучу заданий. Давайте поступим так: вы придете сюда завтра и все вопросы обсудите с Олегом Павловичем. Он у нас не любит, когда за его спиной кто-то что-либо решает.

– Но вы хотя бы дайте мне какую-нибудь рекламную продукцию, – попросила я. – Надеюсь, это вы можете сделать самостоятельно?

– Да, конечно, – молодой человек окинул кабинет взглядом, потянулся к той стопке буклетов, из которой я взяла тайком одну книжечку, но почему-то отдернул руку и сказал: – Сейчас я вам распечатаю прайс-лист.

Повернув к себе жидкокристаллический монитор, «сеулец» стал щелкать мышкой. Судя по тому, что он не сразу послал открывшийся документ в печать, я догадалась – он делает правку. Когда же из принтера, стоящего на соседнем столе, вышел распечатанный листок, он потянулся за ним, а я как бы невзначай подалась вперед и прочитала слово, продиктованное боссом. Это была фамилия главного механика кирпичного завода – Борщинский.

Я сразу же попыталась домыслить, о чем шла речь по телефону. Скорее всего, Олег Павлович хотел, чтобы его подчиненный подделал письмо и для этого отсканировал бы фирменный бланк «Красного Октября», изменил текст и подписал бы его Борщинским. Скорее всего,

речь в письме шла о заявке с указанием количества и спецификации необходимого нашему заводу оборудования.

Взяв распечатку, я сказала:

– Хорошо, я внимательно изучу ваше коммерческое предложение, сопоставлю его с другими. И если вы выиграете первый этап тендера, то буду разговаривать с вашим боссом.

– О'кей! – сказал «сеулец», еле сдерживая себя, дабы не рассмеяться.

Вот идиот! Вероятно, он тоже был невысокого мнения о блондинках. А зря. При желании многие из них могли бы успешно торговать чем угодно – машинами, станками, шурупами или цементом. Но лично в мои планы это пока не входило.

Сев в машину, я отъехала от офиса, заглушила мотор и стала изучать документы. В прайсе, распечатанном специально для меня, номенклатура продукции, которую поставляла в Россию фирма «Сеул», явно была не полной. Во всяком случае, я не увидела там тех автоматов, которые несколько месяцев назад закупил Горовский кирпичный завод. Этот факт, конечно, сам по себе ни о чем криминальном не говорил. Возможно, их сейчас просто не было в наличии.

Я вынула из сумки свой трофей и, открыв красочный рекламный буклет, уже на первой странице увидела изображение автомата, который взорвался на «Красном Октябре». Правда, он стоил едва ли не в два раза дешевле, чем я думала. Может, этот просто похож на него? Нет, завод закупил именно такое оборудование, в голове прочно засели все буквы и цифры его полного наименования. Только в договоре на поставку была указана совершенно другая цена. Так вот, оказывается, где собака зарыта! «Откат» определенно был, и не маленький. Даже больше, чем я могла себе представить...

Уже без особого интереса я перевернула листок. На следующей странице была представлена другая модификация. Отличие этих двух автоматов состояло в том, что они работали на разном сырье. Первый – на базальтовой минеральной плите, а второй – на пенопласте. Цена различалась незначительно. Прочитав текст, я поняла, что продажа автоматического оборудования для производства стеновых и кровельных сэндвич-панелей составила семьдесят процентов от всего товарооборота этой фирмы за прошлый год. Но мне не предложили эту номенклатуру, и это тоже наталкивало на определенные выводы. Скорее всего, до выяснения причин взрыва продажа данного оборудования была приостановлена, ведь вся партия могла оказаться некондиционной.

Уже без особого интереса я стала листать брошюрку дальше, и из нее вдруг выпала небольшая серенькая бумажка. На ней были какие-то бессмысленные каракули, будто кто-то просто расписывал ручку. Я уже собиралась выбросить этот листочек, но случайно перевернула его на другую сторону и увидела нарисованную от руки схему. Изучив ее, я поняла, что ко мне в руки попал план того, как проехать от офиса «Сеула» к складу. Разумеется, я не могла отказать себе в удовольствии посетить это интересное место. Сдав назад, я развернулась и поехала до конца Вальной улицы, потом согласно схеме свернула налево и двинула по Никольскому проспекту до его пересечения с улицей Чернышова. Еще несколько поворотов – и я была практически у цели.

Припарковавшись около супермаркета, я вышла из машины и отправилась дальше пешком. Склад располагался в глубине двора в одноэтажном здании барачного типа. Это место было обозначено на схеме крестиком. Около раскрытых ворот стояла грузовая машина. Когда я подошла ближе, то едва не столкнулась лицом к лицу с Кудринцевым. Нет, не с генеральным директором «Красного Октября», а с его сыном. Тот, конечно, меня не узнал. Мы не были близко знакомы, просто Сергей раньше работал у нас на заводе в отделе снабжения, но недолго. Может, он и вспомнил бы меня, но я сейчас выглядела не так, как обычно. Хорошо, что мне хватило разума не подъезжать сюда на своем заметном «Мини Купере». Тогда бы я точно засветилась в самом начале своего расследования.

Покрутившись около склада, я кое-что подглядела и подслушала. Все имеющееся в наличии оборудование для производства сэндвич-панелей в спешке куда-то вывозилось со склада. А Сергей Кудринцев был на «ты» с Олегом Павловичем Молокановым. Вспомнив, что директорский сынок также водил дружбу с Анатолием Зайцевым, я уже ни в чем не сомневалась – сделка между «Красным Октябрем» и «Сеулом» была заключена по инициативе нашего генерального директора и, скорее всего, с подачи его сына. Так я, собственно, и думала с самого начала, но Гулькина своим языком, длинным и без костей, заставила меня в этом усомниться. И как это я могла внять ее бестолковой болтовне? Ведь никогда прежде не принимала Леркины слова всерьез. А тут вдруг поверила, что Борщинский взял «откат», что помогло ему купить элитную квартиру. А дабы не делиться своими барышами с Зайцевым, узнавшим про «сеульские» деньги, он выжил его с завода... Хорошо, что я сюда приехала и во всем разобралась!

Да, теперь нет сомнений, что Виталий Кириллович стал козлом отпущения. Когда грянул гром, то есть взрыв, Кудринцев быстро сориентировался и стал подставлять Борщинского, своего давнего недруга, конечно же, не без помощи Аронкиной. Скорее всего, она сама и распустила по заводу заведомо ложные слухи о главном механике. Для этого было достаточно шепнуть на ушко нужную информацию одному сплетнику, и цепная реакция пошла дальше сама собой. Ведь один болтливый человек как распечатанное письмо, его каждый прочитать может.

Что ж, Кудринцеву с Аронкиной удалось перевернуть общественное мнение с ног на голову, в результате многие заводчане стали думать о главном механике очень плохо. Но это еще полбеды, Борщинский попал под следствие. Вероятно, слухи о его вине были подкреплены материально. Наверняка следователю прокуратуры дали взятку. Другой бы уже на следующий день поставщиком взорвавшегося оборудования заинтересовался, а этот больше недели резину тянет...

Проезжая мимо офиса «Сеула», я подумала, что там полным ходом идет фальсификация заявки на поставку оборудования за подписью Борщинского. Конечно, отсканировать фирменный бланк можно, но надо еще и подпись Виталия Кирилловича подделать. Но долго ли это умеючи? Кудринцеву понадобится много подделок, чтобы обложить со всех сторон своего давнего врага. Но на этом он может и сам погореть...

День клонился к вечеру, а у меня, кроме утренней чашки кофе и хрустящего тоста, во рту сегодня ничего больше не было. Я решила остановиться около первой же попавшейся по пути кафешки, чтобы заморить червячка. Дорога домой предстояла неблизкая. Глазея по сторонам, я наконец-то увидела нужную вывеску и перестроилась в крайний ряд. Около бистро «Смак» не оказалось свободных парковочных мест, поэтому мне пришлось проехать немного вперед и остановиться около антикварного магазина.

Выйдя из машины, я подняла глаза и вдруг увидела его. Сердце судорожно забилося, я остановилась как вкопанная, не в силах отвести от него глаз. Он был мечтой всей моей жизни. Красивый до умопомрачения! С трудом переведя дыхание, я пошла за ним, в антикварный магазин. Четыре гнутые ножки в виде львиных лап, покрытых позолотой. Спинка, обтянутая нежнейшим небесно-голубым атласом! А сиденье! Оно словно набито пухом от крылышек юных ангелочков. Я знала это, потому что в нашей гостиной, обставленной в стиле рококо, стояло пять точно таких же стульев.

Я купила их у одного барыги на горовской барахолке в ужасном состоянии и отдала их в мастерскую на реставрацию. Шестого стула в комплекте не оказалось. Барыга сказал, что он сгорел при пожаре. Я отказывалась верить в то, что такое сокровище может поглотить безжалостный огонь, и тешила себя надеждой, что однажды все-таки найду его. И я искала шестой стул – давала объявления в газету, ходила по базарам и антикварным магазинам Горовска, но все тщетно. И вот он стоял передо мной в прекрасном состоянии и говорил: «Полетт, купи меня!» Это была поистине эпохальная встреча!

Возвращалась я домой в приподнятом настроении. Мне хотелось поскорее показать деду свою находку. Я жала на газ до отказа, и гладкая лента загородного шоссе с головокружительной скоростью ускользала под колесами моего «Мини Купера».

Глава 5

– Ариша! – позвала я, зайдя в дом. – Иди скорее сюда, посмотри, что я привезла! Ау, дед, ты куда пропал?

Дедуля на мой зов не откликнулся. Это показалось мне странным, потому что во всех окнах первого этажа горел свет. Оставив стул посередине холла, я прошла в столовую. На столе стояла полная и уже остывшая чашка чая. Это меня удивило еще больше. Я вышла из столовой и обратила внимание на то, что дверь в гостиную кантри приоткрыта.

– Дедуля, ты что там делаешь? Заснул, что ли? – спросила я, но оказалось, что разговаривала сама с собой.

Деда там не было, впрочем, в двух других гостиных тоже. Я решила, что мой прародитель спит наверху в своей спальне. Было еще совсем не поздно, около девяти. Но в последнее время он стал все чаще засыпать неожиданно и где придется, например, сидя перед телевизором в кресле. Это давал знать о себе многолетний ночной образ жизни. Ему бы уже уgomониться, так нет, его все тянет за карточный стол! Ариша говорит, что самые интересные игры случаются ночью.

Я подошла к новоприобретенному стулу и нежно погладила его рукой. Увы, тотчас поделиться радостью не получилось. «Ладно, сделаю это завтра», – подумала я и взяла стул, чтобы отнести его к братьям в гостиную, обставленную в стиле рококо. В этот момент послышались отдаленные шаги. Наверное, я все-таки разбудила Аришу, и он спускается вниз. Со стулом в руках я шагнула к лестнице и застыла в крайнем изумлении. На ней стоял незнакомый мне мужчина с топором в руках. Естественно, моей первой мыслью было, что это грабитель. О том, что он сделал с моим любимым дедушкой, я даже боялась подумать. Вяжущий комок подступил к моему горлу. Но я умела держать на привязи свои страхи, поэтому не грохнулась тут же в обморок, а, продолжая нежно прижимать к себе антикварный стул, шагнула к телефонному аппарату, висящему на стене.

– Поставьте стул и отойдите туда! – скомандовал незнакомец, помахивая топориком.

– Вы кто? – осведомилась я, оставаясь на месте и со стулом в руках.

– А вы кто? – Человек с топором стал спускаться вниз. – Хотя и так понятно – воровка.

– Вообще-то, я – хозяйка этого дома. Не приближайтесь! Я крикну! – сказала я.

Ситуация была самая нелепая. Мне казалось, что я слышу свои собственные слова ушами постороннего и осознаю их нелепость. Незнакомец, естественно, не испугался моей угрозы, а продолжал медленно спускаться вниз, играючи перебрасывая топор из одной руки в другую. Он выглядел как настоящий маньяк, но тем не менее мне было не страшно. Точнее, немного страшно, но не за себя, а за стул, который может подвергнуться чудовищному акту вандализма. Я поставила его на пол и села на него.

– Простите, я не расслышал, кто вы? – насмешливо переспросил человек с топором, приблизившись ко мне на расстояние трех метров.

– Повторяю: я хозяйка этого дома! А вы кто? Вор?

– Не лгите! Вы не живете здесь. Я знаю Полину Андреевну, видел ее много раз. Вы на нее совершенно не похожи, – сказал странный визитер, не торопясь с расправой. Но топор в его руках щекотал нервы. – Да, вы не хозяйка этого дома, а я не вор.

Я вдруг осознала, что выгляжу в данный момент действительно не так, как обычно. И все это благодаря парик и гриму, которые мне понадобились для мини-спектакля в «Сеуле». Но ведь этот человек мне был незнаком. Мы молча сверлили друг друга глазами и не знали, что делать дальше. Прошла минута, и на лестнице вдруг снова послышались шаги. «Напарник», – подумала я, но в следующую секунду увидела деда. Ариша неторопливо спускался вниз и, кажется, был не только в добром здравии, а еще и в прекрасном расположении духа.

– Аристарх Владиленович, – обратился к нему незнакомец, – я тут воровку поймал. Представляете, она хотела стащить венецианский стул из вашей гостиной.

– Кто? Зачем? Почему? – Дед поспешил вниз и, кажется, в первый миг меня тоже не узнал.

Я сняла парик и расхохоталась. Ариша сдержанно улыбнулся. Мужчина с топором был обескуражен. Переводя смущенный взгляд с меня на деда, он растерянно пожимал плечами. Хотел что-то сказать, но не находил подходящих слов.

– Полетт, где ты так долго была? Мы тебя ждали, ждали... Подожди... А что это за стул? – Ариша обошел вокруг меня, внимательно рассматривая раритет, на котором я сидела. – Не может быть! Неужели это шестой?

– Да, представь себе! Я наконец-то нашла шестой стул. Сегодня специально ездила за ним в областной центр.

– Это невероятно! Но нам же говорили, что он сгорел! Чудеса! – Дед перевел свой восторженный взгляд на гостя, опомнился и сказал: – Это – моя внучка, Полина Андреевна. А это – наш новый сосед, Вадим Юрьевич. Он купил коттедж Ивановых.

При этих словах мужчина спрятал топорик за спину и галантно поклонился.

– Очень приятно, – сказала я, встала со стула и подала новоявленному соседу руку.

Тот протянул мне свою для ответного рукопожатия, но в ней был топорик, наш, между прочим. Теперь я его узнала. Дед колот им дрова для камина и иногда что-то мастерил, правда, не всегда удачно.

– Простите. – Вадим Юрьевич положил инструмент на тумбочку, а затем взял мою ладонь и поцеловал. – Полина Андреевна, я очень рад знакомству с вами. Давно мечтал об этом. Признаться, несколько раз видел вас в окно, даже один раз вышел, чтобы подойти, представиться, но вы уже уехали. А сегодня вот так неловко все получилось. Я принял вас за грабительницу.

– А я вас – за маньяка, – простодушно призналась я.

Обменявшись любезностями, мы рассмеялись.

– Да, конфуз вышел. Ну ни на секунду нельзя оставить молодежь без присмотра! – говорил дед, радужно улыбаясь. – Вадим Юрьевич пришел к нам по-соседски одолжить топорик. Я всюду искал его и не мог найти, а потом вспомнил, что инструмент в моей спальне.

– В твоей спальне? – удивилась я. – Как он там оказался?

– Я давеча им пытался разошедшееся окошко поправить, да и забыл отнести обратно в кладовку. Мы поднялись туда.

– У вас очень красивый дом, – вставил свое слово Вадим Юрьевич. – Аристарх Владиленович сказал мне, что вы, Полина, лично занимались дизайном. Это правда?

– Да. Это мое хобби. Дедуля, а что ты так долго наверху делал?

– Мне позвонил Никифоров. Полетт, ты же знаешь, он может без умолку болтать аж до утра...

– Ясно. Ну вот все и выяснилось, – сказала я, чувствуя себя неуютно от пристального взгляда Вадима, который буквально пожирал меня глазами.

Кажется, он проникся ко мне жгучей симпатией, чего я не могла сказать о себе. Мне не нравились мужчины такого типа. Ему было лет тридцать пять. Высокий и чрезмерно худощавый, он выглядел каким-то неловким, беспомощным. Черные как смоль волосы были зачесаны назад и противно лоснились от геля. Раскосые глаза неопределенного цвета, то ли светлосерые, то ли зеленоватые, и выпяченная вперед нижняя губа делали лицо отталкивающим.

– Полина Андреевна, я хочу пригласить вас, ну и, разумеется, вашего дедушку, Аристарха Владиленовича, к себе на новоселье, правда, точная дата этого торжества пока не определена. Я вам о ней сообщу. Надеюсь, что вы придете. – Вадим внимательно посмотрел на меня и уточнил: – Придете?

– Даже не знаю, что вам сказать, – замялась я, потому что подобные мероприятия не только были мне не по нутру, но и шли вразрез с моими ближайшими планами. Отвечать же категоричным отказом было как-то неприлично – сосед все-таки.

– Конечно, придем, – заверил его дед Ариша, воспользовавшись моей заминкой, и понес дальше совершеннейшую ахинею: – Ваше приглашение – это большая честь для нас. Знаете, у меня внучка такая домоседка, сидит вечерами дома и играет на своем саксофоне...

– Вы играете на саксофоне? – оживился Вадим. – Я хочу услышать вашу игру!

– Как-нибудь потом. Вы знаете, я устала с дороги...

– Да-да, конечно. Не смею вас задерживать, еще раз простите за это недоразумение. Надеюсь на скорую встречу, – сосед вдруг схватил мою руку и снова поцеловал ее.

Я аккуратно высвободила свою ладонь. Возникла неловкая пауза, которую поспешил заполнить Ариша.

– Вадим Юрьевич, я был весьма рад знакомству с вами, – в голосе деда отчетливо слышались светские нотки.

– А я-то как рад! – вторил ему сосед, не сводя с меня очарованного взгляда. – Жаль, что мы не можем продолжить нашу беседу. Не хочу показаться вам чрезмерно назойливым, поэтому вынужден откланяться...

– Топорик не забудьте, – напомнила я, когда Вадим попятился к двери. – Он вам, наверное, нужен.

– Да, спасибо, – сосед взял топор и после еще нескольких напыщенных фраз наконец-то ушел.

– Полетт, ты была с ним не очень учтивая, – укорил меня дед, едва мы остались с ним вдвоем. – Уж не знаю, чем он тебе не понравился, но мне кажется, что стоит с Вадиком поближе познакомиться. Он умен, у него прекрасные манеры. Сейчас такие молодые люди редкость.

– Ариша, а ты знаешь, кто он по жизни?

– Бизнесмен. Я пока не выяснил, чем конкретно Вадик занимается, но всему свое время. Полетт, по-моему, ты ему очень понравилась. Как он на тебя смотрел!

– Действительно, – усмехнулась я. – Едва не зарубил нашим же топором. Хорошо, что ты подоспел вовремя, иначе тебе пришлось бы заказывать гробик для любимой и невинно убиенной внучки.

– Ах, оставь свой черный юмор! Он просто тебя не узнал, да и я сразу не понял, что это ты. Прости, но ты так вульгарно накрашена. Потом этот парик... Ради чего весь этот маскарад? Ты что, выкрала этот стул? Я должен был сразу об этом догадаться. Полетт, разве я учил тебя этому? – беззлобно спросил дедуля.

– Фи, Ариша, как ты мог так плохо обо мне подумать! Я купила его в антикварном магазине, причем за очень приличные деньги.

– А как ты узнала, что он там продается? – Дед нежно провел рукой по спинке.

– Алина Нечаева позвонила и сказала, что видела в витрине магазина стул, очень похожий на наши пять... Вот я и рванула в областной центр. Туда и обратно. – Я подхватила стул и понесла его в гостиную. – Тебе позвонила, а ты свой мобильник дома забыл.

– Да, я сам не сразу спохватился насчет телефона, – дедуля пошел за мной следом. – Сначала решил, что потерял его, а потом нашел на своей кровати. А я уж голову ломаю, куда ты делась? Перезванивать тебе не стал, чтобы ты не подумала, будто я тебя контролирую. Все-таки, дочка, ты присмотришься к Вадиду...

– Дед, он мне не понравился, и все тут! И в гости я к нему не пойду.

– Почему?

– Ты же знаешь, я не люблю всякие там застолья с малознакомыми людьми. И вообще, ты об этом Вадиме практически ничего не знаешь, а говоришь, что его приглашение – это для нас великая честь. Да, может, он аферист какой-нибудь? Во всяком случае, мне он пока-

зался насквозь фальшивым. Лично для меня нет никакой чести в знакомстве с ним. Лучше бы вообще его больше не видеть.

– Полетт, не сердись, это я так сказал, отдал дань элементарной вежливости. Так все говорят в ответ на приглашение, но никто не понимает эти слова буквально. Ну какая ты у меня еще маленькая! – Дед погладил меня по голове. – Разве этот визит к чему-нибудь обязывает? Вадим просто наш новый сосед... Ладно, есть еще время, может, изменишь свое мнение, уважишь деда и составишь ему компанию...

Я не стала продолжать этот неприятный разговор, поэтому перевела его на другую тему:

– Дедуля, ты ужинал?

– Нет, не хотелось, тебя ждал. Потом заварил себе чайку, а тут Вадик пришел...

– Тогда сейчас будем ужинать. Я по дороге в магазин заехала, купила продукты.

* * *

После ужина, еще сидя за столом, дед спросил:

– Как дела на работе?

– Нормально.

Моя немногословность удивила прародителя. Он пристально смотрел на меня, смотрел, а потом сказал:

– Полетт, ты стала такой скрытной. Уже не доверяешь своему деду, да?

– Не понимаю, о чем ты, – сказала я и стала убирать посуду.

– Ну вот хотя бы о чрезвычайном происшествии на заводе рассказала бы! Ты же вчера там была, а мы с тобой так и не поговорили об этом. Областные телевизионщики, конечно, сподобились сегодня донести информацию в широкие народные массы, но она была такой поверхностной...

– Да, и что же они сказали спустя столько времени? – Заинтригованная, я села обратно за стол. – Дедуля, не молчи!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.